

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 127, апрель 2025

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ И АТЛАНТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Атлантический кризис, резкое ускорение перевооружения Европы.

«20 лет равняются одному дню в великих исторических развитиях, хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет»¹. Так Маркс пишет Энгельсу, комментируя перспективы немецкого рабочего движения. Ленин в работе «Карл Маркс» выводит из этого одно из основополагающих определений революционной стратегии. Она требует «объективного анализа положения каждого класса в современном обществе»², а следовательно, «лишь объективный учёт всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учёт объективной ступени развития этого общества и учёт взаимоотношений между ним и другими обществами», то есть международных отношений и системы государств, в которую это общество вписано.

Но и это не всё. Классы и государства должны оцениваться в их движении: «При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении»³, и это движение должно анализироваться в его диалектике, которая продвигается не только путём «медленных изменений», но и через внезапные ускорения. На каждом этапе этого экономического, социального и политического движения революционная стратегия должна учитывать эту «объективно неизбежную диалектику»: «с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так называемого «мирного», развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нём способности к практическому решению великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по 20 лет»⁴.

Арриго Черветто обращается к этому вопросу в двух редакционных статьях весны 1985 года. Стратегический анализ, пишет он, комментируя ленинское высказывание, «является анализом медленной и ускоренной трансформации; анализом накопления противоречий и анализом противоречивых разрывов общественных отношений», и это «не воображаемая постепенная эволюция»⁵.

Одно из наблюдений указывает на ограниченность психологического времени авангардного меньшинства. «Революционеры, в силу склонности к стихийности, чаще подчёркивали «дни», которые стоили двадцати лет, чем «20 лет», которые стоили одного дня»⁶, но диалектика концепции Маркса и Ленина должна быть воспринята во всей её полноте. Только поняв и используя «эпохи медленного развития», можно понять и справиться с проблемами «дней, концентрирующих в себе по 20 лет»⁷.

Financial Times, говоря о Дональде Трампе и атлантическом кризисе, думала, что цитирует Ленина, но явно знакома с этой мыслью понаслышке: «Бывают десятилетия, когда ничего не происходит, и недели, когда разыгрываются десятилетия». Ломаный ленинизм газеты Сити упускает диалектическую связь противоречий между

классами и государствами, накопленных в долгие времена капиталистического развития, и их взрывом в концентрированных времена кризиса и войны.

В условиях атлантического кризиса это имеет решающее значение для правящего класса и для нашего класса. Пропагандистская вулгаризация предельно акцентирует неустойчивый и разрушительный характер президентства Трампа, а также преувеличивает недалёковидность политических элит европейского империализма. Если пренебрежение материалистическим анализом субъективных факторов, действующих в любой политической борьбе, уже является ошибкой, то неправильное понимание их пропорций приводит к смешению следствий с причинами.

Именно глубокие тектонические сдвиги последней четверти века накопили напряжённость, вылившуюся в сегодняшнее землетрясение. После войн в Боснии и Косово Евросоюз как никогда приблизился к европейской оборонной политике. Однако реальная военно-политическая битва – война в Ираке – позволила Штатам разделить Старую и Новую Европу и заморозила эту попытку на двадцать лет. Этот конфликт также обозначил начало нового этапа относительного упадка Соединённых Штатов, которые почувствовали, что им не остаётся ничего иного как начать эту войну по выбору, с расчётом замедлить восхождение Китая.

Сегодня Евросоюз внезапно перемахнул планку, предусматривавшуюся мерами, отвергнутыми в 1999–2003 годах, поскольку «ReArm Europe» и план на один триллион евро, принятый Берлином, превышают порог, который тогда обсуждали. А в хаотичных жестах Трампа угадывается односторонняя реакция нового американского национализма против отношений и институтов старого порядка, в которых США теперь ощущают себя в невыгодном положении.

На Старом континенте это означает, что нынешнее ускорение – это лишь начало новых битв. Москва отреагирует на перевооружение Европы, но пока неясно, как поступит Вашингтон, который всегда сопротивлялся европейской автономии и чередовал политику конфронтации и сближения с Москвой, чтобы не допустить стратегического сближения Европы и России. Китай также станет частью уравнения сил – будь то в контексте вовлечения ЕС в противостояние блок против блока с Пекином, или в случае, если Брюссель поддержит в Азии против американского одностороннего подхода, или даже если сам Трамп попытается добиться разрядки в отношениях с Си Цзиньпином.

Что касается нашего класса, то, конечно, дни, которые стоят двадцати лет, ещё не подразумевают разрушения порядка и военного кризиса между великими державами. Речь всё ещё идёт об укоренении интернационалистского сознания, но мы должны понять, в какой мере происходящее ускорение требует от нас обновления генеральной задачи по утверждению организованного меньшинства, опирающегося на революционную стратегию, в смысле придания ей ещё большей актуальности.

Прорастает идеология империалистического европеизма во всех его вариантах: от явной мобилизации в поддержку перевооружения до лицемерной уловки поддержки европейской оборонной политики, но не военных расходов, когда Европу называют державой мира или призывают сохранять расходы на социальное обеспечение.

Сражение с европейским империализмом входит в наше генетическое наследие. «Ни Вашингтон, ни Москва», – звучит в эти дни во многих столицах ЕС. Это сражение, которое мы уже вели семьдесят пять лет назад. В 1950 году, отменённом Корейской войной и мифом о неизбежном новом мировом конфликте, это был первый интернационалистский лозунг группы, которая дала начало Lotta Comunista, против российского и американского империализма. Вскоре, однако, стало ясно, что этого недостаточно, поскольку в нём отсутствовал пункт против европейского империализма.

Сегодня также говорят, что Европа должна защищать себя, чтобы не оказаться в роли беззащитной и слабой между новыми «тремя империями» – Соединёнными Штатами, Россией и Китаем. Сегодня, как никогда ранее, лозунг «ни Вашингтон, ни Москва, ни Пекин» был бы наглым

обманом: Европа тоже хищник. Враг у себя дома. Пролетарская оппозиция перевооружению европейского империализма и всех империализмов – вот задача, стоящая на повестке дня.

Lotta comunista, март 2025 г.

1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 26. С. 78. Ленин в собственном переводе цитирует письмо Маркса Энгельсу от 9 апреля 1863 г., в котором, в частности, говорится: «Только мелкие немецкие мещанишки, меряющие всемирную историю на свой аршин и судящие о ней по последним «интересным газетным сообщениям», могут вообразить, что в подобных огромных процессах 20 лет означают нечто большее, чем один день, хотя впоследствии могут снова наступить дни, в которых сосредоточивается по 20 лет» (Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. ПСС. Изд. 2-е. Т. 30. С. 280).

2 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 26. С. 59.

3 – Там же. С. 77.

4 – Там же. С. 78.

5 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2010. С. 186.

6 – Там же. С. 183.

7 – Там же. С. 186.

Содержание

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ И АТЛАНТИЧЕСКИЙ КРИЗИС.....	стр. 1
Европейский империализм берётся за оружие	стр. 2
Против войны – революция!	
Предотвратить войну возможно	стр. 3
Доллар и долг США: неизвестные переменные	стр. 4
Европейские хроники	
Столицы Европы в стратегическом ускорении	стр. 5
Исторические судьбы научного коммунизма.....	стр. 6
К 120-летию Первой русской революции	
Из-под ряссы попа к мировой революции	стр. 7
Политическая борьба и политическое сознание	стр. 8
Ядерное сдерживание в Азии и его отражение в Европе	стр. 9
Издательская новинка	
1927 год: опыт китайского пролетариата	стр.10
Региональные партии в индийской политике	
Джаната Дал (Объединённая) в Бихаре	стр.11
РауПал-мафия в Белом доме	стр. 12
Хроники Шёлкового пути	
Китайский консенсус по поводу сделки с США	стр.13
Промышленность и фармацевтика	
Biosecure Act против китайских биотехнологий	стр. 14
Мировое сражение в энергетике	
Гражданское и военное использование энергии Администрацией долины Теннесси	стр.15
Геополитика для начинающих	стр. 16
СУТЬ МОМЕНТА	стр. 16

Парижский наблюдательный пункт

Битва за Францию для европейской буржуазии.....	стр. I
Трёхполярная политика во Франции	стр. II
Поиск коалиционного президентства наощупь	стр. III
Бюджет европейской ответственности	стр. IV

Европейский империализм берётся за оружие

Двадцать лет назад война США по воле Персидском заливе ознаменовала качественный скачок в глобальных отношениях. Своей атакой на энергетическую артерию США ответили на империалистическое вторжение Китая и прорыв в европейском процессе в виде единой валюты, причём произошло это в тот момент, когда Европа занялась созданием *европейской обороны* в ходе подготовки проекта конституции. Появление держав континентального масштаба стало новым фактором мирового противостояния. Перед европейской буржуазией встал вопрос о государственных инструментах *империалистической демократии* в новом масштабе власти; также и для революционной партии вопрос государства и стратегия должны были рассматриваться на новом уровне, означая пролетарскую оппозицию европейскому империализму и интернационалистское сражение за создание ленинистской партии на Старом континенте.

Эти особенности новой фазы найдут подтверждение спустя несколько лет в ходе *кризиса послевоенного порядка*, спровоцированного Китаем. В 2017 году провозглашение Китаем своих военных планов откроет новый цикл «первооружения и колоссальной, беспрецедентной напряжённости», предвещая «невиданный скачок» в гонке перевооружения всех держав. Вопрос *империалистической демократии* в Европе вернулся как раз вовремя, чтобы продемонстрировать задержку с формированием инструментов общей внешней и военной политики, которое оказалось заморожено после событий 2003 года. Нынешнее ускорение Европы на двух фронтах одновременно – военных расходов и ядерного сдерживания – стало ответом именно на эту динамику и ещё больше разгоняет *кризис порядка*. К перевооружению призывают политическая верхушка европейского империализма, причём Берлин, Париж и Лондон синхронизируются в своих инициативах: Германия ускоряется на фронте военных расходов, Франция предлагает совместное использование ядерного оружия, а Британия идёт на сближение с ЕС, и эта комбинация говорит о серьёзном сдвиге. На момент написания статьи можно выделить по меньшей мере четыре стороны этого вопроса.

Первый уровень анализа касается военных расходов. Здесь необходимо говорить, что к публичной информации о расширении военного аппарата нужно относиться как к *политическим цифрам*: поскольку война – это продолжение политики иными средствами, планы перевооружения представляют собой, прежде всего, инструмент для выстраивания стратегических отношений. Это карта, которую ЕС выкладывает на стол и как средство сдерживания, и как угрозу своим противникам, и как возможный козырь при пересмотре альянсов, и даже как стратегическое предложение, если вспомнить, как восприняли европейское перевооружение в Азии. Тем более если учесть его беспрецедентный масштаб. Пакет «ReArm Europe», представленный Еврокомиссией и единогласно одобренный странами-членами, предполагает выделение не менее 800 млрд евро в течение пяти лет, четыре пятых из которых – национальные государственные долги, освобождённые от маастрихтских ограничений, и одна пятая – кредиты государствам, гарантированные европейским долгом; на него частично накладывается конституционная реформа немецкого долгового тормоза, касающаяся более чем 1,5 трлн евро в течение десятилетия, из которых порядка трети пойдёт на обновление инфраструктуры, а остальное – на национальные военные расходы Германии, которые на данный момент составляют реальную критическую массу европейского перевооружения.

Текущие военные расходы ЕС уже удвоились в период с 2017 по 2024 год, и с ны-

нешней тенденцией они вскоре достигнут 3% ВВП, что соответствует уровню 1970-х годов, но в современных масштабах. В мировом масштабе это даёт переход от десятой к пятой части глобальных военных расходов, то есть военный потенциал приходит в соответствие с экономическим весом. Само собой разумеется, что затем в рамках ЕС будет происходить перераспределение долей отдельных государств, причём перевооружение Германии, Польши и прочих изменит старое равновесие. Наконец, выпуск долговых обязательств для перевооружения на рынках капитала станет ещё одним полем противостояния как внутри Европы, так и за её пределами.

Второй аспект касается темпов европейского процесса. Очевидно, что Берлин навязывает ускорение: заявления Мерца, который скорее всего станет будущим канцлером, о независимой от США оборонной политике; то, с какой скоростью уходящий парламент разобрался с выделением средств на перевооружение; визит Мерца в Париж и его присутствие в кулуарах Совета ЕС; немедленный ответ на призывы Эмманюэля Макрона к совместному использованию ядерного оружия. Стратегическое выравнивание Рейнской оси, которая сразу после немецких выборов вернулась к ключевой проблеме континентального сдерживания, задаёт темп европейскому перевооружению.

Можно заметить, что Берлин придаёт особый политический вес одному из аспектов своей экономической мощи: за всё время между финансовым кризисом и пандемией немецкий долг оставался на уровне 60% ВВП, в то время как Рим прибавил 40 пунктов, Лондон и Париж – около 50, а Вашингтон – 60. Принципиальная строгость в бюджете позволяет сегодня справиться с перевооружением за считанные недели. С другой стороны, нельзя не заметить, что даже в самих немецких дебатах встречаются упреки в определённом экономистом гипнозе. В тот же период, пишет Николас Буссе во *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, сокращения расходов безоруживали бундесвер, а Берлин забыл про *realpolitik*. Нынешний поворот – это в том числе эффект накопленных проблем.

Срочный характер парижского и лондонского саммитов по Украине, а также неофициального и внеочередного Совета ЕС 6 марта, где были заранее озвучены моменты из готовившейся «белой книги» Комиссии по обороне, заставляет обратиться к планам европейских держав, к третьему вопросу. Саммиты с ограниченным числом участников, результаты которых затем получили одобрение всех 27 стран и исполнительной власти ЕС, продемонстрировали потенциал многоскоростной Европы. Лук ван Мидделаар из Брюссельского института геополитики подчёркивает неформальный характер внеочередных совещаний, которые не регулируются договорами и не имеют обязательной юридической силы, но именно поэтому подходят для решения чрезвычайных ситуаций, находя баланс между необходимостью принимать быстрые решения и стремлением учитывать интересы множества участников, в той или иной степени представляющих и тех, кто остался за рамками переговоров.

После формата «Веймар плюс», сохраняющего ведущую роль Парижа, Берлина и Варшавы при участии Рима и Мадрида, появился формат «5+1», подчёркивающий вклад Великобритании. Очевидно, что на узком поле оборонной политики Лондон вновь включается в игру, восстанавливая баланс «трёх опор» европейского «табурета» и, по крайней мере на данный момент, оставив роль проводника американского влияния. В Европе Лондон может уравновесить масштабное немецкое перевооружение и монополию Франции как единственной ядерной державы ЕС.

В отсутствие Испании заговорили и о формате «Е5». *Le Monde* видит в нём «зача-

ток *Европейского совета безопасности*», и именно по этой причине трудно представить, что Мадрид долго останется в стороне. Комбинация различных форматов саммитов – это практический ответ на давний вопрос о том, должна ли Европа развиваться по межправительственному или наднациональному пути. Однако истинная загадка европейской *империалистической демократии* заключается в том, как будут сочетаться между собой силы, охватывающие многоуровневую структуру власти – национальную, федеральную и конфедеральную. В этом смысле реальная траектория развития европейской оборонной политики будет определяться именно диалектикой между встречами в узком кругу, Европейской комиссией и Советом ЕС.

Всё также *Le Monde* задаётся вопросом, напоминал ли европейский саммит в Лондоне – с участием Канады и Турции – скорее версию НАТО без США или усиленный «европейский столп» альянса? На деле концепция двух столпов сегодня сталкивается с растущими сомнениями в надёжности американской опоры, и тот же Мерц, критикуя надёжность американского зонтика и нынешнюю форму НАТО, делает ставку на европеизацию альянса, который завтра может обратиться к Вашингтону с позиций большей взаимности или трансатлантического паритета. В какой-то момент, как говорилось, Европа вооружала Украину, чтобы вооружить саму себя; теперь, по мнению наиболее атлантистских кругов, Европа должна вооружаться, чтобы «спасти НАТО» – при этом укрепление политической и военной составляющей ЕС внутри атлантической рамки всё так же остаётся игрой на вторых ролях.

Начало европейского противостояния в области ядерного сдерживания – четвёртый аспект. На стратегическом поле атомного скипетра слова, заявления и даже бездействие политического руководства держав являются частью самого процесса сдерживания; и это в равной степени относится как к самовредительству Америки, разрушающей доверие к надёжности американской защиты, так и к качественному скачку в европейской дискуссии, которая теперь ведётся на уровне глав государств. Мерц и Макрон начали беспрецедентный «стратегический диалог» о расширении французского ядерного зонтика, это же предложение Мерц адресовал и Лондону; в свою очередь, Варшава ведёт «серьёзные переговоры» с Парижем.

Атлантический кризис высветил дремлющие противоречия. Британская пресса раскрывает степень зависимости сил сдерживания Лондона от США: это чисто *оперативная* автономия, которую Лондон заинтересован развивать через диверсификацию с континентом. Французская пресса, напротив, видит в вовлечении Великобритании профилактический ход Берлина в отношении зависшего вопроса о преемнике Макрона в 2027 году, когда президентство – и ядерная «кнопка» – может оказаться в руках крайне правых или максималистских левых. Париж празднует голлистское пробуждение Европы, спеша указать на то, что «совместное сдерживание» касается не вопроса принятия решения, а защиты атомного зонтика: окончательное усмотрение по использованию Бомбы остаётся *абсолютно суверенным*.

Это только начало чрезвычайно сложной дискуссии, которая, тем не менее, развивается «со скоростью света», предупреждает Брюно Тертрэ: уже сами заявленные намерения держав становятся первым актом сдерживания; следующим шагом может стать совместное политическое заявление, за которым последуют совместные учения, и так далее – вплоть до гипотетического размещения боеголовок в других странах. Учитывая по сути политический характер первых шагов,

этот процесс станет своего рода лакмусовой бумажкой, на которой можно будет проверить, насколько быстро европейский империализм способен реагировать на *кризис порядка*. Для всех политических формирований буржуазии ядерная бомба – после единой валюты и перевооружения – станет следующим тестом на «еврорастворимость», проверкой на совместимость с европейским консенсусом крупной буржуазии: за монетой наступит очередь шпаги и ядерного скипетра.

В целом стратегическое перевооружение такого масштаба не может не вызвать ответную реакцию со стороны Америки, а также со стороны России в архитектуре европейской безопасности. В 1963 году Вашингтон отреагировал на Елисейский договор между Парижем и Бонном «годом атлантистов», потребовав включить в ратификацию договора атлантистскую преамбулу. Поспособствовал этому именно Джон Кеннеди: по мнению его биографа и советника Теда Соренсена, поездка Кеннеди в Европу со знаменитым заявлением «*Ich bin ein Berliner!*»¹ стала символическим ответом на декларацию франко-германской автономии. Возможен ли сегодня *год атлантистов*, распространяющийся на европейские отношения, как это было в 2003 году? На данный момент американские дебаты исключают возможность того, что ответ, как и раньше, будет исходить от президента. Дэвид Сэнджер в *New York Times* обобщает: за 50 дней, без каких-либо стратегических обоснований администрация Трампа подорвала основы системы, которую Соединённые Штаты кропотливо возводили на протяжении восьмидесяти лет. Дин Ачесон озаглавил свои мемуары «Present at the creation»²; сегодня в Вашингтоне чувствует себя «*присутствующими при разрушении*». Уныние атлантистов ощутимо.

В Белом доме есть те, кто всерьёз задумывается о том, чтобы прибегнуть к угрозам в адрес союзников, заставляя их платить за поддержание глобального порядка – при этом не производя впечатления слабости. Дональд Трамп говорит, что «*ЕС был рождён для того, чтобы обманывать США*», но он взялся за политический демонтаж альянса, который должен был помешать стратегической автономии Европы. Джон Болтон со страниц *Wall Street Journal* обращается к сторонникам НАТО по обе стороны Атлантики – в Сенате США, а также в «*Новой Европе*» Дональда Рамсфелда – с призывом «спасти Альянс от Трампа и «Франции и Германии, главной проблемы»: требования «европейского столпа» разъедают Альянс изнутри и дают ЕС возможность отделиться от Америки. Наконец, по мнению Фарида Закарии, Трамп не представляет американский «консенсус». Если это так, то следует ожидать реакции, но, возможно, не раньше промежуточных выборов в 2026 году.

Тем временем европейское перевооружение находит отклик в Азии. Почти незамеченным остался визит Урсулы фон дер Ляйен в Индию, где было принято важнейшее решение о завершении амбициозного соглашения о свободной торговле между ЕС и Индией к 2025 году. По мнению Раджи Мохана, Европа была «главным недостающим звеном» индийской многовекторности. Согласно *Business Standard*, перевооружение стало дополнительным импульсом для этого: «*Более решительная Европа, меньше убеждённая, что её место в тени Соединённых Штатов, – это партнёр, за которого стоит бороться*».

Лишь вопрос времени, когда все державы будут считать европейское перевооружение одним из новых факторов *кризиса порядка*. В Азии гонка будет ядерной.

Lotta comunista, март 2025 г.

1 – «Я - берлинец!»

2 – «Присутствовал при создании».

Против войны – революция!

Предотвратить войну возможно

1 марта в миланском театре Каркано прошёл XI день интернационалистской молодёжи. Мы публикуем краткое изложение заключительного выступления на нём; в последующие недели резкое ускорение военных планов в Европе придаёт остроту актуальности интернационалистской борьбе против европейского империализма и его перевооружения.

Империализм, капитализм на пике своего развития, не в состоянии поддерживать мировой порядок. Его противоречия накапливаются и периодически выливаются в разрушительные конфликты. Две мировые войны в прошлом столетии привели к гибели от 60 до 70 миллионов человек. В течение XX века в шестидесяти с лишним вооружённых конфликтах погибло около 170 миллионов человек; по последним оценкам, сегодня эта цифра достигла 200 миллионов. Этого трагического итога более чем достаточно для того, чтобы заявить, что данный способ производства исторически устарел.

Империализм и война

Наша марксистская школа никогда не ограничивалась осуждением войны, но всегда стремилась исследовать коренные причины, порождающие её. В капиталистическом развитии доминирует конкуренция, оно хаотично, но прежде всего – это неравномерное развитие между различными областями мирового рынка, различными странами и между экономическими группами. Это меняет соотношение сил между державами и со временем нарушает баланс сил, что приводит к кризису, а затем и к разрушению порядка.

Полная победа капитализма над феодальной властью произошла в Англии, которая в результате утвердилась в качестве ведущей мировой державы. Её господство продлится более века; казалось, что невозможно было бросить вызов «Империи Её Величества» с её обширными колониями, Ост-Индской компанией, властью над морями, силой фунта стерлингов. Однако неравномерное развитие подтачивало фундамент этого главенства. Появлялись новые державы: в Европе ускорялась Германия, а на другом берегу Атлантики бывшие американские колонии стремительно двигались к созданию Соединённых Штатов Америки. Именно Штаты должны будут сначала догнать, а затем и обогнать Англию, сменив её в роли ведущей державы. Это не было гладким путём, его сопровождали вспышки вооружённого насилия: гражданская война, две мировые войны против других претендентов, Германии и Японии, и многочисленные локальные войны – все они были нужны Соединённым Штатам, чтобы утвердить своё господство в мире, который, однако, всегда оставался многополярным.

Новый разбойник – Китай

США по-прежнему остаются ведущей экономической и военной державой мира, но над ними нависла угроза закона неравномерного развития. Подводные камни для американской буржуазии возникли в результате стремительного развития Тихоокеанского бассейна, породившего новую великую державу – Китай. Демографический гигант с населением в один миллиард четырёхсот миллионов с лишним человек, континентальная держава, которая сегодня угрожает американскому первенству и старому мировому порядку.

Мы наблюдали поступь Китая; мы изучали развитие китайского государственного капитализма с 50-х годов прошлого века, не будучи одураченными его идеологическими масками, от маоизма до претензий на «социализм с китайскими чертами» Си Цзиньпина.

Рост Китая за последние четверть века был впечатляющим. Автомобильный сектор является примером великого империалистического рывка Пекина. Сегодня треть мирового производства автомобилей приходится на Китай, в 2003 году их доля составляла около 7 % мирового производства. И дело не только в автопроме. Сегодня «Дракон» является промышленной державой даже в самых технологически продвинутых отраслях. За двадцать лет китайский экспорт продукции обрабатывающей промышленности вырос с чуть менее 5 % от общемирового до более 20 %. А затем, как и подобает на стадии империалистической зрелости, он осуществляет экспорт капитала: в 2000 году объём иностранных инвестиций Китая оценивался примерно в миллиард долларов, а сегодня он достиг 120 миллиардов.

Конечно, и в Пекине быстрое развитие порождает кризисы и дисбалансы. А ещё есть закон неравномерного развития, который теперь действует и против Китая. Появляются новые державы: в Азии – Индия, ещё один демографический колосс, развивается более высокими темпами, чем Китай; также пробивает себе путь Индонезия; на другом конце земного шара восходит Бразилия, и в то же самое время заявляют о себе ещё несколько средних держав. Это новое накопление противоречий для завтрашнего дня.

«Монета» и «шпага» европейского империализма

Но тем временем Китай, новый империалистический разбойник, требует большей доли добычи, нового раздела. США приходится бороться, пытаясь остановить его вторжение и сдержать свой относительный упадок, проявлением которого являются конвульсии трампазма.

Европе грозит опасность быть опрокинутой, и перед лицом явного и серьёзного кризиса в трансатлантических отношениях она вынуждена ускорить своё объединение. Вслед за *монетой* – цементом в виде евро – в ход идёт *шпага*: европейская оборона, перевооружение, вплоть до прощупывания перспектив «европейской бомбы». Китай бросил перчатку, это сделал Си Цзиньпин, поставив цель оснастить себя к 2035 году армией «мирового класса». Началась впечатляющая глобальная гонка перевооружения, которая дошла даже до ядерных сил сдерживания.

Война в Газе

Кризис мирового порядка уже породил конфликт в Газе и войну на Украине. До сих пор нет официальных данных о количестве жертв на Среднем Востоке; оценки варьируются от сорока тысяч до семидесяти тысяч погибших. Это ещё один эпизод в длительном арабо-израильском конфликте вокруг палестинского вопроса. Это конфликт, подпитываемый противоречивыми интересами богатой арабской буржуазии, буквально утопающей в нефти, израильской буржуазии, групп палестинской буржуазии, созданных в различных арабских государствах, и великих держав, которые продолжают ловить рыбу в мутной воде. Это столкновение держит палестинскую проблему в заложниках, никогда не предлагая никакого надёжного решения, порождая лишь разрушение и смерть.

Это долгая война, подпитываемая национализмом и религиозным фана-

тизмом. Мы стали свидетелями чудовищного вооружённого нападения исламского терроризма на беззащитных гражданских лиц в кибуцах Израиля. Ответом реакционного правительства Нетаньяху и еврейских религиозных партий стала массовая резня мирных жителей в Газе. Это позор, который израильская буржуазия не сможет смыть. Наше солидарное добровольчество встало на защиту стариков, женщин, детей Газы под бомбами. Мы сделали это, продолжая повторять то, что говорим уже несколько десятилетий. Существует только одно решение палестинского вопроса, и оно находится в руках миллионов наёмных работников в этом регионе. Только единство арабских, израильских, палестинских рабочих и тысяч африканских и азиатских рабочих-мигрантов может остановить резню, которую развязывают национальные флаги и различные религиозные символы. Единство трудящихся всех национальностей против всех средневосточных буржуазий – единственное решение.

Война на Украине

В отношении делящейся три года войны на Украине также нет официальных данных о потерях. Говорят о более чем 250 тысяч погибших, а совокупное число убитых и раненых оценивается в миллион человек. И это в якобы цивилизованной Европе. Это империалистическая война, которая в момент, когда видна перспектива перемирия, демонстрирует весь свой характер раздела. Открыто обсуждается раздел Украины и её ресурсов. Вашингтон сменил фронт, пойдя навстречу политике Москвы, ведутся переговоры. Из Европы раздаются крики о предательстве и ответных мерах в виде беспрецедентных программ перевооружения.

В течение трёх лет мы проводим интенсивную интернационалистскую кампанию за единство российского и украинского пролетариата; против российского империализма, американского империализма и европейского империализма, которые разжигают войну, и против украинского капитализма, отделённого сиамериканского близнеца российской буржуазии. Даже сегодня, когда ведутся разговоры о перемирии и мире, они пополняют свои арсеналы небывалыми темпами, а в Европе уже говорят о восстановлении в той или иной форме обязательного воинского призыва.

Большевики и война

Куда они нас ведут? Действительно ли война неизбежна? Нет, мы никогда так не думали: войну можно предотвратить. Война, к которой готовится империализм, требует отправки сотен тысяч людей в армии противоборствующих буржуазий. В большинстве своём это рабочие, служащие, технические специалисты, студенты, которых побуждают воевать крупные националистические и патриотические идеологические кампании. Там, где не достигает результата промывка мозгов в дело вступает принуждение, исключительные законы, военное положение, как это происходит сейчас на Украине.

Это слабость, противоречие для правящих классов: чтобы вести свои войны, они должны обращаться к пролетариату, к нашему классу. Если бы эта молодёжь и рабочие отказались использовать оружие против таких же рабочих, как они сами, но одетых в другую форму, и если бы это оружие было обращено против их правителей и буржуазии, то война бы прекратилась. Мало того: отказ от войны может перерасти в революцию за

более высокий социальный порядок без классов и без войны. Именно это произошло на восточном фронте первой мировой войны, где конфликт затянулся более чем на три года, сопровождаясь боями, смертями, дезертирством, мятежами и даже братанием между вражескими войсками. Партия большевиков выступила с лозунгом «мир немедленно», за «превращение империалистической войны в гражданскую». Российские солдаты отказались продолжать сражаться против немецких рабочих на другой стороне окопов, и в итоге война на восточном фронте была остановлена.

Войны империализма сегодня вновь ставят перед нами те же противоречия, которые использовали в качестве рычага большевики. Посмотрите на Украину: сейчас там почти семь миллионов беженцев за границей, сто тысяч солдат обвиняются в дезертирстве, а к настоящему времени число дезертиров достигает двухсот тысяч. К ним нужно добавить восьмьсот тысяч уклонистов от призыва: миллион человек, отказавшихся воевать. Здесь есть объективная основа для предотвращения войны, но на Украине сегодня нет большевистской партии, способной организовать эти восстания, которые остаются индивидуальными или оторванными друг от друга. Это яркое свидетельство исторической задержки революционной партии; мы берёмся за то, чтобы преодолеть её.

Изучать, пропагандировать, организовывать

Поэтому предотвратить войну возможно, но необходимо подготовиться к этому до катастрофического разрушения порядка. К этому времени необходимо иметь милитантов-интернационалистов, укоренившихся на заводах Европы, в офисах, школах и университетах, в жилых кварталах крупных европейских городов. Милитантов, ведущих работу среди глубоких масс, в первую очередь для объединения нашего класса, для интеграции миллионов рабочих-иммигрантов, которые наполняют наши города. Следовательно, борьбу против расизма и ксенофобии, которые разделяют и ослабляют европейский пролетариат. Это борьба, в которой наши кружки с добровольцами играют важнейшую роль.

В последнее время наши молодёжные ячейки в основных странах Европы взяли на вооружение девиз немецких интернационалистов: «Изучать, пропагандировать, организовывать». В такое время необходимо изучать, чтобы точно знать, с кем мы имеем дело, чтобы до мельчайших подробностей знать врага в своём доме – европейский империализм, осуществляющий свой гигантский план перевооружения.

Конечно, изучать недостаточно, интернационалистские позиции следует нести в массы. Но даже изучать и пропагандировать недостаточно; предстоит огромная организационная работа, чтобы собрать силы для борьбы. Мы должны сделать так, чтобы они вышли из огромных масс, пассивных сегодня, но которых война приведёт в движение завтра. Мы должны не дать этим силам рассеяться, нам необходимо их сконцентрировать, организовать, направить в соответствии с планом. Такова большевистская модель партии для Европы, таков европейский ленинизм. Он способен обратиться к молодёжи и трудящимся всех континентов. Лозунг «Коммунистического манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Доллар и долг США: неизвестные переменные

Смена эпох не может произойти тихо и безболезненно. Нынешний кризис начался с войны России против Украины, но его семена были посеяны во время предыдущей смены эпох, ознаменованной схлопыванием империализма СССР. Тогда же началось формирование китайского империализма на Востоке и возрождение европейского империализма на Западе. Оба процесса были поддержаны либеристскими и глобалистскими течениями американского империализма, воплощённого в «Вашингтонском консенсусе». Это были процессы, в которых государственное единство Китая, его огромный резервуар рабочей силы и молодой государственный капитализм стали теми составляющими, которые позволили Дракону, пробудившемуся после 40 лет изоляции, превзойти ЕС по темпам и мощи экономического роста.

Европа, особенно после создания общего рынка и введения единой валюты, была, несомненно, лучше подготовлена к вступлению в эпоху многополярного империализма – за исключением недостаточной политической централизации. С одной стороны, континентальный рынок труда и единое политическое пространство ЕС являются объективным преимуществом нашего класса; с другой – затычка с оформлением европейского империализма открыла благоприятное окно возможностей для укоренения ленинистских меньшинств в крупнейших метрополиях континента.

Нынешняя смена эпох, характеризующаяся глубоким кризисом транснациональных отношений и началом гигантского европейского перевооружения по всей оборонительно-наступательной цепи, открывает новую главу в истории европейского империализма и поднимает на новый уровень стратегическую борьбу революционной партии – той, что способна с решительностью и убедительно провозгласить интернационалистский лозунг: «Главный враг – в собственном доме».

Соглашения между разбойниками

Начальный шок от хаотичного запуска Белым домом односторонних тарифных ударов сменился растущим недоумением, когда президент США Дональд Трамп начал переговоры с Москвой о судьбе Украины, полностью исключив из диалога Киев и европейские страны. На глазах у всего мира глава Белого дома шантажировал украинское руководство, добиваясь вмешательства в управление их минеральными ресурсами. Дезориентированные американские фондовые рынки отреагировали резкими потерями. Падение капитализации, по данным *The Economist*, достигло почти 5 трлн долл. Особенно поразил аналитиков одновременный обвал курса доллара – редкое явление, ведь в условиях неопределённости американская валюта традиционно укрепляется как самое надёжное финансовое убежище.

Слухи о надвигающейся рецессии не обеспокоили Трампа, который счёл её приемлемой жертвой ради лозунга «Сделаем Америку снова великой». Министр финансов Скотт Бессент расценил падение фондового рынка как полезный «период детоксикации» после чрезмерно фискального стимулирования. *Wall Street Journal* задавалась вопросом, не придерживается ли исполнительная власть «ликвидаторского» подхода, аналогичного печально известной экономической стратегии Эндрю Меллона (министра финансов при президенте Герберте Гувере), который в разгар кризиса 1929 года считал, что экономика должна пройти «естественную очистку» от накопившихся искажений.

Европейский центральный банк встревожен. По словам Кристин Лагард, «у нас повсюду риски, повсюду неопреде-

лённость [...], ситуация меняется кардинально день ото дня». Непредсказуемость увеличивается. Инфляция может вырасти из-за тарифов, но может и пойти на спад, если они приведут к снижению экспорта из ЕС и перенаправлению избыточных китайских производственных мощностей в Европу.

Современная вульгарная экономия

Хаос, созданный Трампом, породил массу вопросов относительно его намерений: поднимает ли он торговые барьеры, потому что верит, будто таким образом сможет сократить дефицит внешней торговли, или же использует тарифы как рычаг давления в других переговорах? Предпочитает ли он сильный доллар, как в предыдущем десятилетии, или более слабый, способствующий экспорту и восстановлению торгового баланса? И как он намерен справляться с колоссальным американским государственным долгом?

Политика Трампа не даёт однозначных ответов: он не руководствуется принципом последовательности. Стивен Миран, малоизвестный экономист, работавший политическим советником минфина во время первого срока Трампа, был назначен президентом на пост главы Совета экономических консультантов Белого дома (СЕА) и утверждён Сенатом. Несмотря на его эксцентричность, ряд влиятельных обозревателей считают Мирана надёжным толкователем взглядов Трампа. По мнению Рагурама Раджана, экс-председателя Резервного банка Индии, идеи Мирана, «безусловно, заслуживают большого внимания». Журнал *Le Grand Continent* возвёл его тезисы в ранг «доктрины Мирана». Джиллиан Тетт, ведущий автор *Financial Times*, рисует любопытный портрет: Миран «предлагает ряд идей, которые многих повергнут в ужас и которые немало людей сочтут чистым безумием и противоречием. Но эти идеи обладают внутренней логикой – пусть даже она вам не нравится. И они влияют на то, как администрация воспринимает собственные действия. [...] Все эти идеи – очень спорные. Возможно, они так и не увидят свет».

«Внутренняя логика», о которой говорит журналист, – это американский экономический национализм и возобновление беспринципного гегемонистского проекта, призванного сплотить ряды верных союзников. Эти тезисы были проиллюстрированы Мираном в ноябре 2024 года в эссе, написанном для глобальной компании по управлению инвестициями Hudson Bay Capital. Давайте рассмотрим основные моменты этой доктрины.

Обновлённая дилемма Триффина

Отправной точкой для Мирана становится знаменитая дилемма бельгийского экономиста Роберта Триффина, суть которой заключается в противоречии между ролью доллара как национальной валюты и его функцией мировой валюты. Чтобы какая-либо валюта могла играть глобальным резервным средством, страна-эмитент должна стабильно превышать свои собственные монетарные потребности, что неизбежно ведёт к хроническому дефициту платёжного баланса. Ещё в 1960 году Триффин настаивал на том, что МВФ должен создать специальный монетарный инструмент, чтобы снять давление с доллара. В конце 1960-х появились специальные права заимствования (SDR), но они так и не сыграли сколько-нибудь заметной роли. Проблема достигла апогея после так называемого «шока Никсона» в 1971 году, когда Вашингтон в одностороннем порядке отменил конвертируемость доллара в золото. Мировой финансовый кризис вновь поставил на повестку дня вопрос о будущем резервной валюты. В конце

2009 года Фред Бергстен, тогдашний директор Института Петерсона, предложил отказаться от «монетарной гегемонии, которая больше не отвечает интересам Соединённых Штатов», и перейти к «множественной монетарной системе».

Миран возвращается к идеям Триффина и хронической переоценке доллара. Такая переоценка наносит ущерб американской промышленности «в пользу финансиализированных секторов экономики». При этом речь вовсе не идёт об отказе от глобальной роли доллара. Действительно, «Трамп пригрозил наказать страны, которые прекратят использовать доллар в качестве резервной валюты». Однако это подразумевает, что США намерены «вернуть себе часть выгод, которые другие страны получают от наших резервов». Это попытка опровергнуть известную формулу «чрезмерной привилегии доллара», вошедшую в обиход в 1960-х годах, согласно которой иностранные государства, использующие доллар как резервную валюту, оказываются в привилегированном положении.

Главный компромисс

Миран утверждает, что ущерб от переоценённого доллара, ослабляющего американский экспорт, «компенсируется геополитическими преимуществами достижения фундаментальных целей национальной безопасности при минимальных затратах – за счёт финансовой экстерриториальности». Экстерриториальность «позволяет Америке осуществлять свою волю во внешней политике и сфере безопасности, используя финансовую, а не кинетическую силу», то есть заменяя военную мощь действием санкций – то, чего прежние эмитенты резервных валют добивались за счёт морского превосходства. Переоценка статуса доллара и национальной безопасности представляет собой «главный компромисс» в монетарных отношениях.

Однако этот «баланс» и «компромисс», о которых только что говорилось, немедленно ставятся под сомнение, поскольку «президент Трамп видит, что другие страны получают преимущества от Америки: оборонный зонтик и наши торговые дефициты связаны через валюту». В роли толкователя Трампа Миран оправдывает снижение статуса экстерриториальности и оборонного зонтика – с актива до бремени для американской гегемонии. Он утверждает, что растущий дефицит текущего счёта и ослабление производства всё больше затрудняют для Америки обеспечение глобальной безопасности.

Тарифные стены

Автор считает тарифы «инструментом переговоров». Структурное преимущество США в таком противостоянии заключается в их более закрытой экономике: объём двустороннего экспорта почти всегда оказывается ниже объёма импорта. Цели возможных переговоров с Китаем под давлением тарифов упоминаются лишь гипотетически: американское правительство могло бы потребовать открытия определённых рынков для американских компаний, прекращения или возмещения кражи интеллектуальной собственности, закупки сельскохозяйственного сырья, повышения курса китайской валюты.

Миран излагает подход министра финансов Скотта Бессента к тарифной политике. Тот стремится классифицировать страны в зависимости от их валютной политики, двусторонних торговых соглашений и договорённостей в сфере безопасности. Сам Миран предлагает список из примерно десяти критериев, по которым можно определить степень близости того или иного государства к США: взаимность тарифов, взаимность

торговой открытости, уважение интеллектуальной собственности, политика в отношении Китая, выполнение обязательств перед НАТО, соблюдение санкций, введённых Соединёнными Штатами, и т. д. По словам Мирана, идея Бессента состоит в том, чтобы «сегментировать международную экономику на зоны, основанные на общих системах экономики и безопасности [...], страны, которые хотя и находятся под зонтиком обороны, должны также находиться под зонтиком справедливой торговли». В глазах МВФ, который на протяжении многих лет осуждает риски фрагментации мирового рынка, это выглядит абсурдно. Тарифы будут использоваться «для оказания давления на другие страны с целью заставить их присоединиться к нашим тарифам против Китая; глобальная тарифная стена вокруг Китая усилит давление с целью реформирования его экономической системы». Что касается стран, которые решат не следовать этому примеру и сохранить собственную политику в отношении Китая, им придётся столкнуться с повышенными тарифами со стороны США.

Соглашение Мар-а-Лаго

Суть предложений Мирана и Трампа сводится к проведению саммита по образцу Соглашения «Плаза» 1985 года для разработки «многостороннего валютного соглашения XXI века». Президент потребует от других стран помочь оплатить «зонтик безопасности», который США предоставляют глобальной финансовой системе, а также содействовать ослаблению доллара, чтобы создать рабочие места в промышленности Америки – за счёт перекачивания ресурсов из остального мира. Участникам соглашения придётся продать свои долларовые активы, чтобы ревальвировать собственные валюты, и обменять имеющиеся у них казначейские облигации США на низкодоходные долговые бумаги с ультрадолгим сроком погашения (вековые облигации). Это означало бы колоссальную реструктуризацию валового долга США, составляющего 120 % ВВП страны. Основная тяжесть такой операции легла бы на страны Азии и Среднего Востока – крупнейших держателей ликвидных долларовых резервов: Китай с официальными резервами в размере 3 трлн долл., Японию с 1,2 трлн, Индию с 600 млрд, Тайвань с 560 млрд, Корею с 420 млрд, Сингапур с 350 млрд, Саудовскую Аравию с 450 млрд. Для сравнения: на долю еврозоны приходится 280 млрд, а у Швейцарии – около 800 млрд долларов.

Тем, кто откажется участвовать в такой схеме, Миран предлагает вмешательство Министерства финансов на основании «Economic Powers Act» 1977 года, который предоставляет президенту широкие полномочия в отношении международных транзакций, в том числе введение налога на использование доллара для официальных иностранных держателей резервов.

По мнению Бертиля Байяра из *Le Figaro*, беспрецедентная тактика, предложенная Мираном, несёт в себе огромный риск дестабилизации мировой финансовой системы. Два высокопоставленных чиновника США – бывший глава отдела международных финансов ФРС Стивен Камин и бывший глава отдела международных финансов Министерства финансов Марк Собел – в письме в *Financial Times* рассматривают предлагаемое соглашение как план «переворота мировой валютной системы: мы можем только надеяться, что это останется пустой болтовнёй». Наиболее меткое возражение высказывает Мартин Вулф: «Способна ли эта администрация заключить сделку, которой человек может доверять любой здравомыслящий человек или страна? Я не верю».

Европейские хроники

Столицы Европы в стратегическом ускорении

В ответ на атлантический кризис, вызванный новым американским национализмом администрации Трампа 2.0, Европа ускоряет перевооружение. Усиление военного аппарата, начавшееся после российского вторжения на Украину три года назад, уже привело к росту военных расходов ЕС на 50 %, доведя их до уровня около 2 % ВВП. Теперь всё чаще обсуждается возможность достижения и даже превышения планки в 3 %. В марте Европейская комиссия представила план «ReArm Europe», цель которого – мобилизовать до 800 миллиардов евро. Германия принесла в жертву принцип сбалансированного бюджета – так называемый *Schwarze Null* («чёрный ноль») – ради перевооружения. Параллельно формируется ядро европейской обороны, начиная с формата встреч «коалиции желающих» по отправке миротворческих войск на Украину. Это франко-британская инициатива, цель которой состоит в том, чтобы усилить голос Европы в переговорах между Вашингтоном и Москвой.

Пока рано делать выводы, но уже заметно участие Великобритании в формировании архитектуры европейской безопасности. Мишель Дюкло, бывший французский дипломат, связанный с Институтом Монтеня, отметил: «Можно сказать, что в каком-то смысле европейцы стали голлистами, а британцы – европейцами» (3 марта). В кризисе миропорядка немислимое может стать реальностью за один день.

Бисмарк и плащ Бога

Британские СМИ, ранее выступавшие против Брексита, сегодня без колебаний поддерживают курс премьер-министра Стармера на сближение с Европой. Роберт Шримсли из *Financial Times* напоминает: «Бисмарк сравнивал искусство государственного деятеля с умением слышать шаги бога в событиях и ухватиться за край его плаща, когда он проходит мимо». Шримсли призывает Стармера использовать «британское отвращение к Трампу» для радикального пересмотра отношений с ЕС: «Смелый лидер мог бы переформулировать саму дискуссию о судьбе (и географии) Великобритании. Кризис может открыть путь для возвращения в европейскую экономическую орбиту» (28 февраля). *Financial Times* заявляет, что всё это отвечает интересам Лондона: «У Стармера есть шанс использовать нарастающие опасения за безопасность Европы, чтобы восстановить британское влияние на континенте – роль, утраченная из-за Брексита» (1 марта).

The Economist также хвалит Стармера: «После маргинализации из-за Брексита Британия вновь становится лидером в европейской обороне» (6 марта). Эдвард Лукас (*The Times*) говорит ещё определённое: «Старые споры о Брексите теперь неактуальны. Трамп разорвал атлантизм. Наша безопасность связана с Европой, нравится нам это или нет». Для обеспечения этой безопасности необходимо и ядерное сдерживание. Лукас признаёт, что в этом вопросе Франция выглядит «более надёжной», поскольку её ядерные силы не завязаны от США, в отличие от британского сдерживания, использующего американские ракеты Trident. Проблема с французским сдержива-

нием, однако, в том, что «ядерный зонтик в руках президента Ле Пен добавил бы «трамповской» непредсказуемости» (27 февраля).

Франко-германская ось в движении

После выборов в Германии 23 февраля победители из ХДС/ХСС сразу объявили о переговорах с СДПГ по формированию нового правительства. В день голосования, во время теледебатов, кандидат в канцлеры Фридрих Мерц сделал первое громкое заявление: «Для меня абсолютным приоритетом будет максимально быстрое укрепление Европы, чтобы шаг за шагом достичь реальной независимости от США. Я никогда не думал, что мне придётся говорить такое в телеэфире». Для многих осталась неясной – была ли фраза о «независимости» осознанным политическим сигналом или очередной оговоркой, в которых Мерц замечен не впервые. Однако *Financial Times* увидела в этом сознательный выбор слов: «Формулировка будущего канцлера, – пишет газета Сити, – может не понравиться некоторым европейским партнёрам, всё ещё цепляющимся за изношенное американское «одеяло безопасности». Но обнадеживает услышать такую ясность в отношении меняющихся геополитических реалий от будущего немецкого лидера, особенно такого убеждённого атлантиста, как Мерц» (25 февраля).

Через три дня после победы на выборах Мерц отправился на ужин в Елисейский дворец. По завершении встречи он заявил, что совпадение позиций с Эмманюэлем Макроном оказалось «гораздо значительнее, чем я ожидал». За трёхчасовой беседой стороны договорились открыть «новую главу» во франко-германских отношениях (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 28 февраля).

Европейское сдерживание

Мы уже отмечали в этой газете, что с конца 2023 года дискуссия о ядерном сдерживании в Германии вышла из узкоспециализированной среды и стала предметом обсуждения в ведущих СМИ. Теперь по этому вопросу политики открыто высказываются не только в Германии и Франции, но и в таких странах, как Польша. Ещё за два дня до выборов Мерц объяснил в телеэфире необходимость обсуждения с Францией и Великобританией вопросов «ядерной безопасности» и возможностей «совместного ядерного сдерживания». Он вернулся к этой теме в интервью *Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung* от 2 марта: «Сегодня у нас с американцами так называемое совместное ядерное сдерживание. Можно ли продвинуться в этом направлении с Францией или Великобританией – это то, что я хочу обсудить в рамках переговоров коалиции и с нашими партнёрами в Европе, ЕС и НАТО». Совместное ядерное сдерживание с США включает бомбы B61 с двойным ключом, размещённые в Германии и пригодные для транспортировки немецкими самолётами.

5 марта, накануне внеочередного саммита ЕС, где 27 стран единогласно одобрили предложение Урсулы фон дер Ляйен «ReArm Europe», Макрон обратился к французам с телеобраще-

нием, заявив, что они «воплне обеспокоены текущими историческими событиями, которые потрясут мировой порядок». Подхватив заявление Мерца, Макрон объявил, что в ответ «на исторический призыв будущего немецкого канцлера» он решил «открыть стратегические дебаты о защите наших союзников на европейском континенте посредством сдерживания». Среди этих союзников – Польша, которая, по словам Дональда Туска 7 марта, «всерьёз обсуждает» этот вопрос с Францией.

Немецкое перевооружение

Выступление Макрона последовало за объявлением 4 марта о соглашении между ХДС/ХСС и СДПГ о масштабном пакете расходов, финансируемом за счёт нового долга, – для целей перевооружения и инвестиций в инфраструктуру. Планируется освободить от конституционного «долгового тормоза» все оборонные расходы, превышающие 1 % ВВП, и создать внебюджетный фонд в 500 миллиардов евро для развития инфраструктуры. По подсчётам *Handelsblatt*, в целом речь идёт о выпуске примерно 1,5 триллиона евро нового долга в течение следующего десятилетия. «Перед лицом угроз нашей свободе и миру на континенте, – заявил Мерц, – теперь и для нашей обороны должен действовать принцип: whatever it takes [«любой ценой»]» – явная отсылка к знаменитой фразе Марио Драги 2012 года, с которой тогдашний глава ЕЦБ остановил кризис евро.

Для изменения «долгового тормоза» и создания специального фонда требуется поправка к конституции – с одобрением двух третей депутатов и в Бундестаге, и в Бундесрате. Поскольку в новом составе Бундестага (с 25 марта) такое большинство невозможно без поддержки *Die Linke* или АдГ, партии ХДС/ХСС, СДПГ и «Зелёные» согласованно протолкнули голосование в старом составе. В обмен на поддержку пакета Мерца «Зелёные» добились, чтобы инфраструктурный фонд был рассчитан на 12 лет и включал 100 миллиардов евро на защиту климата. Кроме того, партия, во главе с Робертом Хабекком, который в ходе предвыборной кампании призывал довести военные расходы до 3,5 % ВВП, добилась расширения перечня оборонных расходов, которые будут выведены из-под действия «долгового тормоза».

Подобные парламентские манёвры могут показаться непрозрачными с точки зрения популярного демократического мифа о голосовании как прямом выражении народной воли. Однако подобные прецеденты уже были: в октябре 1998 года первая зарубежная военная миссия бундесвера после второй мировой (в Косово) была одобрена парламентом предыдущего созыва – ещё до вступления в должность нового состава Бундестага, сформированного после сентябрьских выборов, которые открыли путь к первому «красно-зелёному» правительству Герхарда Шрёдера.

Командиры и рядовые

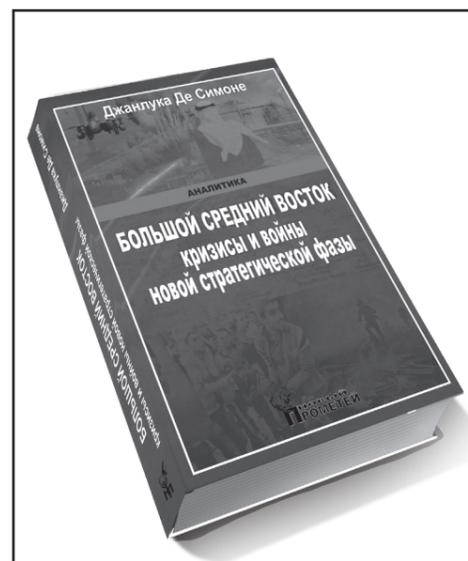
В поддержку перевооружения выступили не только ведущие партии,

но и крупнейшие издания немецкой буржуазии. Например, Бертольд Кёлер, один из управленцев FAZ, пишет: «Свободная Европа должна быстро превратиться в военную державу, способную сдерживать Путина без помощи Америки». Однако для этого, по его словам, требуется «масштабное и скоординированное перевооружение, включая ядерное», поскольку арсеналов Франции и Британии «пока недостаточно для замены американского зонтика» (3 марта). На страницах *Bild* читаем: «Сотни миллиардов евро сами по себе не помогут – новые танки Leopard не защитят, если в них не будет экипажей. Возвращение обязательного призыва – задача-минимум для «чёрно-красной» коалиции!» (8 марта). По мнению Бернда Ульриха из *Die Zeit*, фонд в 500 миллиардов и реформа «долгового тормоза» является лишь «первым шагом»: нужны призыв, повышение пенсионного возраста, налог на богатство, ядерный щит, реорганизация миграции и многое другое (6 марта).

Энтузиазм по поводу немецкого перевооружения выходит за границы самой Германии. *Financial Times* отмечает, что инициатива Мерца «добавляет немецкий столп к европейским усилиям» после «первоначального лидерства» Макрона и Стармера. «Пробуждение Германии – сигнал того, что кризис заставляет Европу вновь объединиться против нарушителя стабильности во главе Америки» (6 марта).

Как ЕС будет реагировать на неизбежные контрмеры – покажет время. Но уже сейчас стоит задуматься о поразительной скорости, с которой европейская империалистическая демократия совершила резкий поворот – как только почувствовала угрозу своим жизненно важным интересам.

Lotta comunista, март 2025 г.

Джанлука Де Симоне

Большой Средний Восток.
Кризисы и войны новой
стратегической фазы

384 страницы, мягкий
переплёт, карты, примечания,
биографический справочник.

ISBN 978-5-990528-5-2

Цена 350 руб.

Исторические судьбы научного коммунизма

1 марта 1913 года в газете “Правда” была опубликована статья Владимира Ленина “Исторические судьбы учения Карла Маркса”. Она была плодом размышлений о времени распространения науки об освобождении рабочего класса, разработанной умершим за 30 лет до написания этой статьи величайшим революционным мыслителем человечества.

«Главное в учении Маркса, – пишет Ленин, – это – выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества».

“Манифест Коммунистической партии”, вышедший в 1848 году, дал «цельное, систематическое, до сих пор остающееся лучшим, изложение этого учения»¹, а его основы были заложены за четыре года до этого: именно тогда, в Париже, начинается переход Маркса «от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму»².

Развитие и распространение марксизма происходит в пространстве и во времени. Из континентальной Европы он распространяется на Великобританию, вместе с мигрантами из Европы проникает в Северную Америку, благодаря учащимся в европейских университетах студентам и путешественникам из аристократических семей знакомятся с работами Маркса передовые люди России, позднее идеи научного коммунизма проложат путь и в Азию. Так, различными путями, происходит распространение марксизма в пространстве.

Распространение же этого учения во времени Ленин связывает с тремя главными периодами всемирной истории: «1) с революции 1848 года до Парижской Коммуны (1871); 2) от Парижской Коммуны до русской революции (1905); 3) от русской революции [...]»³.

Таким образом, первый период занял 23 года, второй – 34, а третий, начавшийся Первой русской революцией, к моменту написания статьи Ленина ещё был не завершён.

Когда он закончился? Каковы были последующие периоды?

Содержание трёх первых периодов

Первый период – это время, когда социализм прокладывал путь от утопии к науке. Начав в качестве одной «из чрезвычайно многочисленных фракций или течений социализма»⁴, марксизм пробивал себе дорогу через «непонимание материалистической основы исторического движения, неумение выделить роль и значение каждого класса капиталистического общества, прикрытые буржуазной сущности демократических преобразований разными якобы социалистическими фразами о “народе”, “справедливости”, “праве”»⁵. На этот период приходится европейские буржуазные революции 1848 года и Парижская коммуна. К концу этого периода «рождаются самостоятельные пролетарские партии: первый Интернационал (1864–1872) и германская социал-демократия».

Второй период «отличается от первого “мирным” характером, отсутствием революций. Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них ещё не дорос».

Возникающие в странах Западной Европы «пролетарские по своей основе социалистические партии»⁶, «использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои просветительные учреждения, свои про-

фессиональные союзы, свои кооперативы. Учение Маркса [...] идёт вширь».

Именно на этом этапе долгого “мирного” капиталистического развития «внутренне сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического оппортунизма». Ревизионисты вроде Эдуарда Бернштейна «трусливо проповедуют “социальный мир” [...], отречение от классово-борьбы и т. д. Среди социалистических парламентариев, разных чиновников рабочего движения и “сочувствующей” интеллигенции у них очень много сторонников».

Но эти самые годы, которые в Западной Европе были временем “мирного” и постепенного развития капитализма, были временем бурного капиталистического развития на Востоке. Это противоречивое неравномерное развитие капитализма готовило «новый источник величайших мировых бурь в Азии. За русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская». «Мы, – пишет Ленин, – живём теперь как раз в эпоху этих бурь и их “обратного отражения” на Европе»⁷. Тем самым сбилось научное предвидение Карла Маркса, который 27 сентября 1877 года писал Ф. А. Зорге, что «революция начнётся на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции»⁸. Само собой разумеется что речь идёт о буржуазно-демократической революции.

«За Азией, – пишет Ленин, – стала шевелиться – только не по-азиатски – и Европа. [...] Бешеные вооружения и политика империализма делают из современной Европы такой “социальный мир”, который больше всего похож на бочку с порохом»⁹.

От буржуазной революции под руководством пролетариата к диктатуре пролетариата

Особенность Первой русской революции заключалась в том, что, несмотря на её буржуазные задачи, ведущую роль в ней пришлось сыграть пролетариату. В понимании этого факта и вытекающих из него последствий, несмотря на полемику по другим вопросам, сходились такие представители революционно-марксизма, как Владимир Ленин и Роза Люксембург.

14 мая 1906 года Ленин писал: «В России условия момента возлагают на социал-демократию такие великие задачи, какие не стоят ни перед одной из западноевропейских партий с.д. Мы несравненно дальше, чем западные товарищи, от социалистического переворота, но мы стоим перед буржуазно-демократической крестьянской революцией, в которой пролетариат сыграл роль вождя. Эти особенности данного положения вызывают неизбежность того, что не в Думе решится быстро назревающий политический кризис»¹⁰. Люксембург в том же году рассматривала ситуацию в таком же ключе: «[Нынешняя] революция в России по своему содержанию далеко выходит за рамки ранее происходивших революций и по своим методам не примыкает ни к старым буржуазным революциям, ни к прежним парламентским боям современного пролетариата»¹¹.

Именно это своеобразие привело к тому, что Первая русская революция привела к образованию Советов – формы диктатуры пролетариата, которая затем будет реализована как в Революции 1917 года в России, так и в Революции 1918 года в Германии.

Во время Первой русской революции, ведя полемику с меньшевиками о тактике, в ходе которой последние отстаивали необходимость быть крайней оппозицией буржуазии, Ленин выступил против этого оппортунистического хвостизма, поставив в повестку дня курс на вооружённое восстание широких народных масс. 5 апреля 1910 года в статье “За что бороться?” Ленин напишет: «Русская революция подтвердила тот вывод, который сделан был Энгельсом из истории великих буржуазных революций Запада, именно: чтобы добиться даже только того, что непосредственно необходимо буржуазии, революции надо было зайти дальше требований буржуазии»¹².

Одним из ключевых вопросов любой буржуазной революции является аграрный вопрос. Мы уже писали на эту тему в июле 2017 года. Сейчас же обратимся к развёрнувшейся по ходу обсуждения этого вопроса на IV (Объединительном) съезде РСДРП в Стокгольме 10–25 апреля (23 апреля – 8 мая) 1906 года дискуссии о гарантиях от реставрации капитализма. Позицию меньшевиков отстаивал первый русский марксист Георгий Плеханов, ему оппонировал Ленин: «Чтобы удержать за собой победу, чтобы не допустить реставрации, русской революции нужен нерусский резерв, нужна помощь со стороны. Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе. Кто говорит о реставрации, забывая об этом, тот обнаруживает крайнюю узость своих возрений на русскую революцию. Тот забывает, что Франция конца XVIII века в эпоху буржуазно-демократической революции была окружена гораздо более отсталыми полуфеодальными странами, которые служили резервом реставрации, а Россия начала XX века, в эпоху своей буржуазно-демократической революции, окружена гораздо более передовыми странами, в которых есть налицо социальная сила, способная стать резервом революции»¹³.

Этой же позиции Ленин придерживался и после Октябрьской революции 1917 года. Лишь реализация стратегии мировой пролетарской революции, воплощением которой стало создание Коминтерна, могла стать относительной гарантией от реставрации капитализма. «Помимо этого условия ничто на свете не может» гарантировать пролетариат от контрреволюции, «пока есть капитализм и мелкий товаропроизводитель». Поэтому «вместо праздных мечтаний об относительных гарантиях» следует думать «о доведении нашей революции до конца»¹⁴. Ленин писал это по поводу буржуазной революции в России, довести которую до конца означало преодолеть все феодально-сословные пережитки. С этой задачей Октябрьская революция 1917 года справилась полностью. Что же касается задач пролетарской революции, то абсолютной гарантией от реставрации капитализма могло быть лишь преодоление товарно-денежных отношений.

Пересечение больших причин

Всемирно-историческое значение третьего периода распространения марксизма заключается прежде всего в том, что он сделал пролетариат ведущей силой в том числе и буржуазных революций, и самое главное – он стал началом пролетарских революций.

Первая мировая пролетарская революция, начавшаяся в октябре 1917 года в России, привела к созданию Коминтерна – штаба мировой коммунистической революции. Всем тем, кто утверждает, что Октябрьское вооружённое восстание 1917 года в Петрограде лишь завершило буржуазную революцию в России, следует ответить на один простой вопрос: для чего буржуазии Коминтерн?

За Октябрьским штормом неба в России последовали революции в Германии, Венгрии, Финляндии, начался процесс формирования коммунистических партий в различных странах мира. Эта беспрецедентная революционная волна была сметена колоссальной по силе контрреволюцией. К середине 20-х годов прошлого века сталинизм в России, социал-демократия, а затем нацизм в Германии, фашизм в различных странах Европы потопили в крови первую мировую коммунистическую революцию: наступил четвёртый период распространения марксизма – долгая контрреволюционная фаза. Последними всполохами революционного третьего периода можно считать гражданскую войну в Испании 1936–1939 годов: пролетарские интернационалисты вступили в неравный бой с силами мировой контрреволюции – франкизмом, нацизмом, сталинизмом и буржуазными демократиями.

Концом третьего периода можно считать 1925 год, когда по итогам XIV конференции РКП(б) был закреплён переход от курса на мировую коммунистическую революцию к курсу на построение социализма в отдельно взятой стране. Началась долгая контрреволюционная фаза, но и она не могла остановить работу старого крота – распространение марксизма во времени и пространстве продолжилось.

Начавшийся кризис ялтинского империалистического порядка и его войны приближают конец этого периода. Грядёт новая всемирно-историческая эпоха, на протяжении которой пролетариату может предоставиться возможность реализовать собственную задачу создателя социалистического общества. О времени, которое нас отделяет от начала этой эпохи, об уроках прошлых классовых битв, о содержании предыдущих периодов распространения марксизма, о состоянии и сознании нашего класса, о задачах революционного меньшинства – вот о чём следует сегодня размышлять пролетарскому авангарду. И эти размышления должны быть неотрывны от непрестанной работы по организации нашего класса.

Март 2025 г.

- 1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 23. С. 1.
- 2 – Там же. Т. 26. С. 82.
- 3 – Там же. Т. 23. С. 1.
- 4 – Там же.
- 5 – Там же. С. 1–2.
- 6 – Там же. С. 2.
- 7 – Там же. С. 3.
- 8 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 34. С. 230.
- 9 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 23. С. 4.
- 10 – Там же. Т. 13. С. 109.
- 11 – Люксембург Р. О социализме и русской революции: Избранные статьи, речи, письма. М., 1991. С. 136.
- 12 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 19. С. 213.
- 13 – Там же. Т. 13. С. 17–18.
- 14 – Там же. С. 78.

К 120-летию Первой русской революции

Из-под рясы попа к мировой революции

23 ноября (7 декабря) 1902 года состоялось торжественное открытие Санкт-Петербургского общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве (далее – *Общество*). В декабре на собраниях *Общества* стал появляться молодой священник Георгий Гапон, быстро попавший в поле зрения Охранного отделения полиции. Вскоре состоялось знакомства попа с шефом охраны Сергеем Зубатовым. Именно с его именем связано появление такого понятия как *зубатовщина*. Он создал систему подконтрольных правительству организаций для отвлечения рабочих от политической борьбы.

Социал-шовинизм

Гапон возглавил *Общество*, которое теперь повсеместно ассоциируется с его именем, лишь летом 1903 года. Достойна внимания и размышления мотивация, которую он использовал, отказываясь возглавить *Общество* ранее: организация скомпрометирована связями с полицией. При этом сам Гапон уже сотрудничал с Охранкой. Возглавив *Общество*, он призывал рабочих к освобождению «от опеки административных нянек» и обретению *материальной независимости*.¹ На собраниях *Общества* выслушивались заявления рабочих, обсуждались газетные и журнальные статьи по рабочему вопросу.²

14 (27) октября 1903 года Гапон представил директору Департамента полиции Алексею Лопухину докладную записку, которая, по своей сути, являлась программным документом: рабочим следует предоставить возможность для разумной самостоятельности, самоорганизации и самопомощи «во благо нашей родины [...] иначе воспользуются другие – враги России».³

Для реализации этой программы Гапон ставил амбициозные организационные задачи: «Мы разовьём деятельность по всей России: все промышленные центры [...] будут нами втянуты в Союз, мы всю Россию покроем сетью наших организаций. [...] у нас будет такая сила, что всё должно будет подчиняться рабочему, и вообще трудовому люду, и тогда...»⁴.

Борьба за влияние на массы

9 (22) ноября 1903 года градоначальник Санкт-Петербурга Николай Клейгельс, даже не дожидаясь юридического утверждения устава *Общества*, разрешил ему устраивать собрания. Власть стремилась поставить рабочее движение под свой контроль. К концу года на собраниях *Общества* стала приходиться группа большевиков, «честных, преданных делу революции рабочих»⁵, в составе Веры и Алексея Карелиных и Дмитрия Кузина. Приходили на собрания *Общества* и меньшевики, и эсеры. Они «выступали, громили Гапона [...], называли нас зубатовцами»⁶, – вспоминал позднее Карелин.

Группа большевиков стремилась держаться обособленно, незаметно, но постепенно начала играть центральную роль и выполнять функцию штаба. Каким образом? *Общество* расширялось, было юридически зарегистрировано 15 (28) февраля 1904 года и получило новое название – *Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга*. Чтобы организовывать его деятельность, Гапон был вынужден искать помощи со стороны инициативных и авторитетных рабочих, имеющих прочные связи и опыт работы в пролетарской среде. Под их воздей-

ствием внутри «Собрания» начиналось брожение, часть рабочих постепенно оставляла монархические взгляды и ксенофобские позиции (будто бы нужно объединять только русских рабочих). «Незаметно для самого себя, Гапон принимал те мысли и решения, какие навязывали ему рабочие. [...] массы революционизировали «Собрание»⁷, – пишет в изданной нами истории РКП(б) большевик Владимир Невский.

Но имелось и обратное влияние. Возьмём пример упомянутого выше Карелина, сблизившегося с первыми социал-демократическими кружками ещё в 1887 году, вступившего в РСДРП с 1897 года, организатора новых рабочих кружков. «Мы знали, что Гапон имеет какие-то связи с полицией и держались осторожно. Я был большевиком и участвовал ещё в организации Бруснева [...]. Эти старые связи и мешали как-то поверить Гапону, а когда поверил ему, то и пришлось порвать с интеллигенцией и партией, потому окрестили меня – зубатовец»⁸, – вспоминал он. Попав под влияние Гапона, Карелин отстранился от партии, его кружок превратился во влиятельную в рабочей среде Петербурга группу, которая считала неэффективной подпольно-конспиративную работу и искала пути для открытой деятельности в рабочих массах. Фактически карелинцы опередили ликвидаторов, появившихся в среде меньшевиков-антипартийцев в условиях реакции после Первой русской революции.

Шла борьба, в которой все стремились повлиять друг на друга и использовать в собственных целях: карелинцы смотрели сквозь пальцы на связи Гапона с полицией, считая, что они лучше используют попа для решения своих задач. Сам Гапон думал, что использует и карелинцев, и полицию в своих целях.

Непреднамеренный результат

Слабость задыхавшихся в подполье большевиков, объединивших «высокоразвитых квалифицированных рабочих-социалистов», рост рабочего движения, требовавший новых, легальных форм организации, а также культурно-просветительские функции «Собрания» и отчасти рясы священника Гапона делали его общество «протягательной силой, тянувшей [...] самую тёмную, самую отсталую массу»⁹, – писал Невский. Высшей точкой для гапоновской организации стал декабрь 1904 – январь 1905 года: тогда она насчитывала порядка 4 тысяч рабочих, что как минимум в четыре раза превышало силы питерских социал-демократов (меньшевиков и большевиков вместе взятых). «Есть все основания думать, что Собрание русских фабрично-заводских рабочих сыграло очень существенную роль в самом возникновении общей январской забастовки: оно подготовило в довольно широких кругах рабочего класса сознательное недовольство существующим положением вещей и с самого начала поддержало первых протестантов и самую мысль о забастовке»¹⁰, – таковы выводы писательницы и публициста Любо-ви Гуревич.

Верно, но недостаточно. В статье «Петербургская стачка», написанной по горячим следам, Ленин даёт исчерпывающую характеристику значению гапоновщины. Это движение изначально, несомненно, было зубатовским, но постепенно оно переросло свои рамки.

«Начало стачки было стихийное. [...] Начатое полицией в интересах полиции, в интересах поддержки самодержавия, в интересах развращения политического сознания рабочих», движение втянуло «некоторые, особенно отсталые слои рабочих», помогло «встряхнуть тех, кого не скоро, а может быть и никогда не встряхнул бы агитатор-социалист». Развернувшись против самодержавия, оно стало «взрывом пролетарской классовой борьбы»¹¹.

Естественное экономическое явление

Увольнения, локауты, безработица являются неотъемлемой составляющей капиталистических отношений – это дамоклов меч, который постоянно висит над головой рабочих и давит на их сознание. При отсутствии профсоюзов, возникших в России лишь в революционном 1905 году, угроза увольнения без всякой компенсации была весьма действенным орудием давления со стороны буржуазии. Другим инструментом в её руках были штрафы, которые хотя и не разоряли, но унижали. В этих условиях любой «инцидент между мастером и рабочим мог перерасти [...] в серьёзный конфликт»¹².

Так, конфликт мастера Тетявкина с четырьмя рабочими-гапоновцами стал поводом для знаменитой Путиловской стачки, начавшейся 3 (16) января 1905 года, в которой приняли участие 13 тысяч рабочих завода. По сути, именно она стала прологом первой русской революции. По ходу стачки, начавшейся в защиту уволенных товарищей по классу, ПК РСДРП сформулировал общие требования и распространил их изданной в этот же день листовкой.

«Под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии упорно будем бороться за следующие [...] требования: 1) 8-часовой рабочий день, 2) отмена сверхурочных работ, 3) отмена штрафов и обысков, 4) увеличение заработной платы на 30 процентов, 5) свобода стачек и собраний, 6) свобода печати, а самое главное – созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Долой самодержавие! Долой войну!»¹³

Шла Русско-японская война... Та самая «маленькая победоносная война», которая, как надеялся российский министр внутренних дел и шеф жандармов Вячеслав Плеве, должна была «удержать революцию». Надежды не оправдались. 8 (21) января, согласно официальным сведениям, бастовало уже 111 тысяч рабочих 456 заводов и фабрик Санкт-Петербурга. Так, пишет Ленин, несмотря на «примитивность социалистических воззрений у некоторых руководителей движения, живучесть наивной веры в царя у некоторых элементов рабочего класса»¹⁴, через грязь и нищету, наперекор грубости надсмотрщиков капитала, вопреки ударам казацкой нагайки, из-под полы рясы священников-зубатовцев, пробивались наружу недовольство и возмущение даже самых тёмных и забытых слоёв пролетариата, их неосознанное стремление к иной, новой, лучшей жизни, просыпался их революционный инстинкт.

Собрания ячеек РСДРП Невского, Василеостровского и других районов приняли решение, обязавшие членов партии быть 9 (22) января среди масс, направлявшихся к Зимнему дворцу, с целью выяснения их настроений и ведения агитации. Связи партии с массами пролетариата были ещё крайне слабы.

Но как верно будет подмечено Розой Люксембург, после революции «мощь, организация и классовое сознание пролетариата окажутся [...] на таком высоком уровне развития, что они всякий раз будут перешагивать рамки «нормального» буржуазного общества. [...] Откроется [...] новая фаза истории буржуазного общества, которое ввиду недостаточности устойчивого равновесия классовых сил будет переживать постоянные бури, которые, следуя друг за другом с большими или меньшими паузами, с большей или меньшей стремительностью, не смогут всё же найти никакого иного выхода, кроме социальной революции и диктатуры пролетариата»¹⁵.

Привнесение сознания в стихийность

Рабочее движение распространялось вширь и вглубь, приближая «ликвидацию международного жандарма Европы»¹⁶. Зачастую этому движению ещё не хватало сознания – ещё должно было произойти слияние разрозненной энергии в единую волю, организованную партией-стратегией Ленина, – но Россия уже стояла на пороге одного из «наиболее величественных проявлений рабочего движения»¹⁷.

И чтобы достичь этого результата, сделает впоследствии вывод Ленин, чтобы влиять на массы, следовало «работать там, где есть масса»¹⁸, то есть в профсоюзах (по сути, именно прототипом профсоюза и была гапоновская организация), где «миллионы рабочих [...] впервые переходят от полной неорганизованности к элементарной, низшей, простейшей, наиболее доступной форме организации...»¹⁹.

Март 2025 г.

1 – Варнашев Н. От начала и до конца гапоновской организации // Историко-революционный сборник. Л., 1924. Вып. 1. С. 177–208.

2 – И. М. Карусева. Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга. К истории создания крупнейшей легальной рабочей организации под руководством Георгия Гапона // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 85. С. 65, 67.

3 – Кобяков Р. Гапон и Охранное отделение до 1905 года // Былое. 1925. №1. С. 44.

4 – Павлов И. Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне // Минувшие годы. 1908. № 3. С. 34.

5 – В. И. Невский. История РКП(б). Краткий очерк. СПб: АНО «Центр международных исследований «Новый Прометей»», 2009. С. 304.

6 – Карелин А. Е. Девятое января и Гапон // Красная летопись. 1922. № 1. С. 107.

7 – В. И. Невский. Указ. соч. С. 304, 306.

8 – Карелин А. Е. Указ. соч. С. 107.

9 – В. И. Невский. Указ. соч. С. 305–306.

10 – Гуревич Л. Народное движение в Петербурге 9 января 1905 г. // Былое. 1906. № 1. С. 199.

11 – В. И. Ленин. ПСС. Изд. 5-е. Т. 9. С. 174–175.

12 – История рабочих Ленинграда, 1917–1965 гг.: в 2 т. Т. 1. Л., 1972. С. 189.

13 – Петербургский комитет РСДРП. Протоколы и материалы заседаний. Июль 1902 – февраль 1917. Л., 1986. С. 123.

14 – В. И. Ленин. ПСС. Указ. соч. С. 176–177.

15 – Роза Люксембург. О социализме и русской революции: Избранные статьи, речи, письма. М., 1991. С. 136–137.

16 – В. И. Невский. Указ. соч. С. 283.

17 – В. И. Ленин. Указ. соч. С. 174.

18 – Там же. Т. 41. С. 36.

19 – Там же. С. 37.

Политическая борьба и политическое сознание

В «Предисловии» 1859 года к работе «К критике политической экономии» Маркс представил краткую интеллектуальную автобиографию, что дало ему возможность описать свою концепцию материалистического понимания истории.

В качестве первого шага в своей эмансипации от идеализма Гегеля он называет свою критическую ревизию гегелевской философии права, введение к которой было издано в Париже в 1844 году. Эта работа ознаменовала переход Маркса от философии и истории как основной области исследований к политической экономии.

«Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомии гражданского общества следует искать в политической экономии»¹.

Погрузившись в исследования политической экономии, которые он начал в Париже и продолжил в Брюсселе после изгнания из Франции, Маркс получил «[общий] результат», который представляет один из самых блестящих синтезов марксистского видения общества и политики: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»².

Ленин описывал «Предисловие» 1859 года как «[цельную] формулировку основных положений материализма, распространённого на человеческое общество и его историю»³. Впоследствии ключевое положение «Предисловия» – «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» – Черветто по-ленински интерпретирует в «Политической оболочке»: «В терминах материалистической концепции политики мы можем следующим образом выразить динамику общественной борьбы: не политическое сознание определяет социальную борьбу, а, напротив, социальная борьба определяет политическое созна-

ние. Если это объективно детерминированное политическое сознание достигает, как в марксизме, научного сознания и, следовательно, аналитического знания механизма, который его детерминирует, оно становится политическим сознанием не только настоящего, но также, и прежде всего, будущего. Знание закона движения экономического базиса становится движением социальной и политической борьбы, детерминируемой этим базисом»⁴.

Интерпретация Черветто была разработана в контексте долгого теоретического противостояния с ревизионистом Эдуардом Бернштейном, который видел противоречие в отпечатке материалистического детерминизма, в рамках которого «с необыкновенно, соответствующей пчелиному трудолюбию гению точностью при исследовании экономической структуры общества шло рука об руку невероятно небрежное отношение к осязательнейшим фактам»⁵. На это Черветто возражал, что «именно точность в исследовании экономического базиса определяет важность фактов и политических форм»⁶.

Бернштейн ставил под вопрос видение Маркса, который указывал «в качестве определяющего фактора материальные производительные силы и человеческие производственные отношения каждого исторического периода». По мнению Бернштейна, в «Предисловии» утверждается, что «в общем, сознание и воля людей считаются как бы факторами, весьма подчиненными материальному движению»⁷. Бернштейн полемизировал с Марксом: «Современное общество по сравнению с более ранними намного богаче идеологиями, не детерминированными экономикой и природой, действующей как экономическая сила. Науки, искусства и большой ряд социальных отношений гораздо меньше зависят сегодня от экономики, чем в какую-либо из предшествующих эпох».

Бернштейн считал возможным взять в «в качестве научной основы для социалистической теории материалистическое понимание истории», только если последняя учитывала бы «взаимодействие материальных и идеологических сил»⁸.

Ответ Черветто кристально ясен: «Бернштейн пытается опрокинуть марксистскую теорию детерминированности, материалистическую теорию политики [...] Бернштейн не настолько наивен, чтобы утверждать примат идеологии или примат политики [...], он ищет количественное соотношение между «материальными силами» и «силами идеологическими»». Черветто объясняет мотивацию «[попытки] Бернштейна подорвать материалистическую концепцию политики»: «Так как экономика ясно показывает, что демократия является формой классового господства, оппортунизм обречён на то, чтобы проповедовать господство идей для отрицания реальности»⁹.

Материалистическая концепция отношений между базисом и надстройкой, между общественным бытием и общественным сознанием, между производительными силами и производственными отношениями не содержит в себе никакого механистического заблуждения. Её обвиняли в механицизме защитники свободной воли, отстаивающие примат политики, и вульгарные социалисты, убеждённые, что задача социализма – в претворении в жизнь недостигнутых идеалов «liberté, égalité, fraternité» («свободы, равенства

и братства»). Материалистическая концепция описывает общую траекторию общественного производства и организации и не претендует на интерпретацию каждого отдельного события. Чем пристальнее мы рассматриваем глобальный рынок в целом, тем больше подтверждаются тенденции базиса и надстроек, выявленные марксизмом, и обнаруживается их параллельность, несмотря на феномен цикличности и неравномерное развитие: мировые кризисы и мировые войны это подтверждают. Марксистская школа была права, когда на протяжении долгого исторического периода утверждала, что демократия – лучшая политическая оболочка капитала, и когда обнаружила её трансформацию в империалистическую демократию и наступление политической реакции по всему фронту в империалистическую эпоху концентрации крупных финансовых капиталов и государств-рантье.

Полезно проследить, как в «Экономических рукописях 1857–1859 годов» Маркс приходит к указанному выше тезису из «Предисловия»: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения». Маркс исследовал оптимистическое видение экономистов (в частности, Адама Смита), согласно которому, преследование частного индивидуального интереса автоматически является движущей силой общего интереса. Из абстрактной предпосылки Смита – каждый преследует только свои частные интересы – можно, согласно Марксу, получить итог «bellum omnium contra omnes» («война всех против всех»). Но что удерживает общество, описанное Смитом, в целостности? Материализм Маркса даёт ответ – меновая стоимость.

Вот текст «Экономических рукописей 1857–1859 годов», напрямую связанный с «Предисловием» 1859 года: «Общественный характер деятельности [...] выступает здесь как нечто чуждое индивидам, как нечто вещное; не как отношение индивидов друг к другу, а как их подчинение отношениям, существующим независимо от них и возникающим из столкновения безразличных индивидов друг с другом. Всеобщий обмен деятельностью и продуктами, ставший жизненным условием [...], представляется им самим как нечто чуждое, от них независимое, как некая вещь»¹⁰.

Это отправная точка для более широкого видения. Взгляд Маркса охватывает прошлое и будущее фазы развития человечества, основанной на меновой стоимости, помещая её в процесс общественной истории, проходящей три стадии.

До возникновения капиталистического способа производства «первые формы общества» характеризовали «[отношения] личной зависимости (вначале совершенно первобытные) [...], при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объёме и в изолированных пунктах. [...] Личная независимость, основанная на вещной зависимости, – такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достоинство, – такова третья ступень. Вторая ступень создаёт условия для третьей»¹¹.

Это видение человеческой истории не написано на скрижалях утопии – оно результат научного анализа, который обозначает возможности, открытые человеческому виду развитием производительных сил и борьбой, вызванной дисбалансами и катастрофами, которые энергично воспроизводит капиталистический способ производства. Коммунистическое милитантство побуждает к тому, чтобы использовать эти возможности и реализовать историческую необходимость.

Lotta comunista, сентябрь 2023 г.

- 1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 13. С. 6.
- 2 – Там же. С. 6–7.
- 3 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 26. С. 56.
- 4 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2010. С. 82.
- 5 – Берштейн Э. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. СПб. 1906. С. 33.
- 6 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2010. С. 82, 83.
- 7 – Берштейн Э. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. СПб. С. 9.
- 8 – Там же. С. 17.
- 9 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2010. С. 77, 78.
- 10 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. I. С. 100.
- 11 – Там же. С. 100–101.

Арриго Черветто УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ. ТОМ 1

2005, 796 страниц,
суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-14-X

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ. ТОМ 2

2005, 736 страниц,
суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

Ядерное сдерживание в Азии и его отражение в Европе

На фоне торговых войн, угроз «аннексировать» Гренландию и Панаму и неуклюжей «миротворческой миссии» между Москвой и Киевом – с гротескной ссорой с украинским президентом Владимиром Зеленским в прямом эфире – кризис трансатлантических отношений, начавшийся при администрации Трампа, вызвал глубокое беспокойство и тревогу в Азии. В первую очередь, это породило опасения, что Вашингтон может поставить выполнение своих союзнических обязательств в зависимость от односторонних выгод в экономике и торговле.

Подобная ситуация не является чем-то совершенно новым, однако в этот раз она развивается в глубоко меняющемся глобальном стратегическом контексте, когда ощущение относительного упадка США заметно усиливается. Как и в первый срок, Трамп может угрожать отказом от военной поддержки Японии и Южной Кореи, чтобы добиться от партнёров большей взаимности в виде увеличения военных бюджетов и торговых уступок.

Европейские ядерные дебаты и перевооружение в Азии

По мнению вашингтонского CSIS, дебаты о «европейском ядерном зонтике» хотя и не противоречат ДНЯО (Договору о нераспространении ядерного оружия), но могут чрезвычайно расширить его рамки, что может иметь последствия для присоединившихся государств, особенно азиатских: это только усилит растущие сомнения в надёжности «расширенного сдерживания», которое Вашингтон предлагает своим союзникам.

По мнению Фредерика Шарильона, бывшего директора IRSEM, Института стратегических исследований французской военной школы, решения европейских стран о перевооружении делают неизбежной «новую гонку вооружений в Азии». В то время как в Европе обсуждается «будущая европейская роль французского ядерного сдерживания», азиатские державы будут вынуждены вернуться к вопросу о «призраке распространения». Япония и Южная Корея, страны, достигшие «ядерного порога», то есть способные «при наличии политической воли» обеспечить себя атомным оружием, могут почувствовать себя «преданными» Вашингтоном, увидев ослабление его гарантий безопасности: тогда у них не останется иного выбора, кроме как воспользоваться единственной оставшейся «страховкой» – вооружиться независимыми ядерными арсеналами.

По мнению Нобукацу Канехары, бывшего советника по национальной безопасности премьер-министра Синдзо Абэ, «Япония вынесла из войны на Украине то, что закончилась эпоха, когда она могла целиком полагаться на США». Вашингтон, конечно, будет отражать угрозы своим «прямым интересам», но «при других обстоятельствах он в какой-то момент отступит, и Си Цзиньпин, скорее всего, знает об этом». Если США уйдут из Азии, добавляет дипломат, в ней «будет доминировать китайское влияние». Позиция премьер-министра Сигэру Исибы, как и его предшественника Фумио Кисиды, заключается в том, чтобы убедить Вашингтон в важности отношений с Токио для противостояния с Китаем, продолжая при этом двигаться к разрядке в отношениях с Пекином.

«Непотопляемый авианосец»

По мнению Канехары, чтобы выстроить систему сдерживания в отноше-

нии Пекина, необходимо объединить «огромную американскую военную мощь» с «оборонительными возможностями» Токио, который может предложить союзнику стратегическую ценность своего архипелага. Отчеканив выражение «непотопляемый авианосец», которым описывали роль Японии в японо-американском альянсе, Ясухиро Накасонэ подчеркнул необходимость Токио для США, чтобы те могли проецировать свою мощь на Азию и осуществлять ядерное сдерживание. Накасонэ, занимавший пост премьер-министра с 1982 по 1987 год, был инициатором предыдущего перевооружения конца 1970-х и 1980-х годов: в нашем анализе мы говорили о «медленном восхождении» Японии, пусть и скованном «навязанными, асимметричными и тягостными» отношениями с Вашингтоном.

Именно Накасонэ в 1986–1987 годах укрепил скрытый ядерный потенциал Японии, добившись от США права на переработку отработавшего ядерного топлива. Такое же разрешение, отмечают австралийские историки Штефан Фрюлинг и Эндрю О’Нил, получила Германия, как раз когда в 1970 году вступил в силу ДНЯО, а также консорциум Евратом (S. Frühling, A. O’Neil, “Partners in deterrence”, 2021). По мнению авторов, несмотря на провозглашение правительством Эйсаку Сато в 1967 году «трёх неядерных принципов» (не производить, не обладать, не внедрять атомное оружие), Токио был «активным проводником» американской стратегии ядерного сдерживания в Азии по крайней мере до 1991 года, когда тактическое ядерное оружие было снято с подразделений Седьмого флота, дислоцированных в Японии. Только в 1965 году, как упоминается в японской историографии, Вашингтон по настоянию Токио предоставил чёткую гарантию ядерной защиты, которая была подтверждена Ричардом Никсоном в 1972 году после шока, вызванного открытием Китая.

«План Б» для Сеула

26 февраля на парламентских слушаниях министр иностранных дел Кореи Чо Тхэ Юль назвал «пока преждевременной», но «не исключённой» возможность «реализации плана Б, оснащения себя независимым ядерным арсеналом, например, ядерными подводными лодками», – проекта демократической администрации президента Мун Чжэ Ина (2017–2022). Вариант создания собственных сил сдерживания обсуждался в конце 2022 года президентом Юн Сук Ёлем, который в настоящее время находится под судом за попытку ввести военное положение и остановить работу парламента в декабре прошлого года.

Как уже отмечалось ранее, в Сеуле ядерные дебаты, как правило, ведутся более активно и открыто, чем в Токио. По мнению крупной консервативной газеты «Чосон Ильбо», Вашингтон практикует «хищническую дипломатию», подкреплённую «мафиозной тактикой». Поэтому вполне понятно, почему Берлин выступил за совместное использование ядерного оружия с Лондоном и Парижем. Теперь очевидно, продолжает «Чосон Ильбо», что международный порядок, гарантированный Вашингтоном с 1945 года, «разрушается» и больше нельзя «полагаться на США, как это было раньше». Газета «Чосон Ильбо», выходящая тиражом более 1,8 миллиона

экземпляров, является одним из самых громких голосов в поддержку ядерного курса Сеула и широко освещала заявления Юна о национальном ядерном арсенале: именно в этом контексте она и обращает внимание на европейскую модель сдерживания.

Дональд-«членовредитель»

По мнению японцев, односторонние действия Трампа чреваты членовредительством. По мнению «Ёмиури симбун», «действуя ради сиюминутной выгоды и заставляя других подчиняться, если они сопротивляются» Трамп вряд ли «сделает Америку снова великой», а наоборот, усилит враждебность по отношению к Вашингтону. США рискуют нанести себе «неизмеримый ущерб», от которого больше всего выиграют Китай и Россия. По мнению *Japan Times*, часто являющейся неофициальным рупором японской дипломатии, «мир находится в процессе перебалансировки, что вынуждает различные правительства «пересматривать свою политику безопасности и обороны»; «Европа задаёт темп перестройки», а азиатским правительствам «придётся совершить рывок»; центральное место займёт вопрос «ядерного сдерживания», который ставит перед ними «трудный выбор», но Европе он вполне по силам. Менее ясно, готова ли «Азия к новому миру» без «региональной архитектуры безопасности, подобной НАТО». Токио по-прежнему зависит от Вашингтона, но ему следует укреплять свой оборонный потенциал, иницируя создание «коалиции желающих» в Индо-Тихоокеанском регионе» в поддержку мира.

Куни Мияка, дипломат и бывший советник Абэ и Кисиды, считает, что страх перед отказом США от своих обязательств возникает регулярно, но, в отличие от ситуации двадцатилетней давности, «стратегическая ценность» Токио возросла для Вашингтона, несомненно «самостоятельно осуществлять сдерживание китайского гиганта». Отказ от главных союзников в Азии был бы «катастрофическим» и означал бы конец США «как тихоокеанской державы». Для Японии внутривнутриполитические и международные издержки создания «независимого ядерного потенциала» все ещё перевешивают преимущества, делая его «нереалистичным вариантом». Тем не менее, изменение стратегического ландшафта и ориентации США сказывается на Токио, Сеуле и Тайбэе, которые «уже могут отказаться следовать прежнему стратегическому выбору».

Дипломатия «Ёрэй но канки»

The Economist передаёт, что, по словам «источника, близкого к правительству», «ядерное оружие – это то, что Япония должна обсудить; должен быть другой вариант, помимо расширенного сдерживания». В мае 2023 года на страницах того же журнала Генри Киссинджер объяснял, что Токио движется к тому, чтобы «стать ядерной державой в течение пяти лет». В своих мемуарах Киссинджер отметил, что японцам свойственно «вызывать», а не «объявлять решения». По мнению Випина Наранга, бывшего сотрудника администрации Байдена по ядерным вопросам, Япония представляет собой «квинтэссенцию» использования спящего режима в международных отношениях, который используется как средство «обеспечения собственной

безопасности», если наступит «внезапный шок», и для «манипулирования своим союзником». Таким образом Токио подаёт сигнал Вашингтону и его противникам об условиях, при которых он перейдёт от латентности к «стратегии активной милитаризации» (V. Narang, “Seeking the bomb”, 2022). В XVII веке среди самураев была популярна игра “Хяку моногари кайданкай” – “сто страшных историй”: пугающие истории о чудовищах и духах рассказывали при свете ста свечей, которые гасили по одной в конце каждого рассказа.

Можно заметить, что Токио разжигает дебаты по вопросу сдерживания, обращаясь к иностранным, американским и европейским источникам, а в собственной прессе делает более уклончивые заявления. При этом иностранным источникам отводится роль “ёрей-но канки”: вызывателей призраков. В 1960–1970-е годы Токио вёл более открытые дебаты, чему способствовали признаки относительного упадка Америки и зарождение мирового полицентризма: в то время как либеральный истеблишмент приветствовал торговое проникновение в Азию и на международные рынки под прикрытием американского зонтика, а японские промышленники предлагали свой «финансовый вклад» в предприятия союзника, консервативные круги видели возможность ускорить восстановление политической силы и, следовательно, создания национального ядерного потенциала (John E. Endicott, “Japan’s nuclear option”, 1975; Ryuji Hattori, “Eisaku Sato, Japanese prime minister, 1964–72”, 2021).

По словам Эндикотта, бывшего офицера ВВС США, именно Сато в 1964 году, а затем в 1969–1970 годах поручил изучить возможность создания в течение четырёх лет японского ядерного арсенала размером около 100–300 тактических ядерных боеголовок, по образцу британского и французского. Сегодняшние запасы невоенного плутония, имеющиеся в распоряжении Токио, позволили бы создать 1.500–2.000 боеголовок. Предпочтение отдаётся тактическому арсеналу с низким потенциалом, что соответствует конституционной трактовке 1956 года об «оборонительной функции» сил сдерживания, которая сохраняется и по сей день. Вариант ядерного порога, который получил наибольшую поддержку в Токио, предусматривал также необходимость разработки ракетных пусковых установок.

Эндикотт также сообщает о китайском влиянии на эти дебаты. В 1972 году Чжоу Эньлай посоветовал Японской социалистической партии отказаться от идеи «невооружённого нейтралитета». Мало того, что история и «появление ядерного оружия» сделали это «невозможным»; «японскому народу» нельзя отказаться в «желании иметь армию» и обороноспособность. Это была всё та же маоистская теория единого фронта; Пекин посчитал японское перевооружение полезным как в противостоянии с СССР, так и, что очень важно, в отношении США. Точно так же Чжоу выступал за «европейское единство» против «давления сверхдержав» (“Освободите Европу”, *L’Espresso*, 30 мая 1971). Кто знает, не повторится ли этот расчёт в ядерном перевооружении Европы и особенно Японии.

Издательская новинка

1927 год: опыт китайского пролетариата

Из предисловия к книге *“Scritti e corrispondenze sulla rivoluzione in Cina nel 1927”*.

Представляемые нами труды, часть из которых до сих пор не была опубликована на итальянском языке, имели историческое значение в интернационалистической борьбе против сталинизма. Неслучайно на момент написания они подверглись цензуре в СССР. Эти работы свидетельствовали, что сталинистская внешняя политика привела к трагическому предательству китайского пролетариата в 1927 году, в разгар одного из решающих этапов буржуазной революции в Китае. Москва и её эмиссары толкнули молодую Коммунистическую партию Китая в объятия националистической партии Гоминьдан, поддержав китайскую национальную революцию против западного и особенно японского империализма, но оставив пролетариат безоружным против собственной буржуазии.

Троцкий вспоминал в автобиографии *“Моя жизнь”*: *«Преступность сталинской политики ударила в глаза. [...] Руководство эпигонов в Китае означало попрание всех традиций большевизма. Китайская коммунистическая партия была, против её воли, введена в состав буржуазной партии Гоминдан и подчинена её военной дисциплине. [...] Коммунистам рекомендовалось [...] не вооружать рабочих без разрешения буржуазии. Задолго до того, как Чан-Кай-Ши разгромил шанхайских рабочих [...], мы предупреждали о неизбежности этого исхода»*¹.

Есть и другая причина, побуждающая нас перечитывать эти произведения почти 100 лет спустя, – это империалистическое восхождение Китая. Его превращение из объекта в субъект раздела на протяжении столетия неравномерного развития произошло за счёт огромного скачка численности китайского отряда мирового пролетариата. Но империалистическая пропаганда с обеих сторон – как западная, трубящая о новой “жёлтой угрозе”, так и пропаганда китайской буржуазии, которая мечтает увидеть национальное возрождение за счёт межклассового единства, – обе они предпочитают забыть о существовании китайского рабочего класса с его борьбой, будто он никогда не имел своей истории и своего голоса.

Дракон сидит за столом великих держав, разыгрывая в качестве козыря возможность эксплуатировать пол миллиарда наёмных рабочих. Тексты, которые мы публикуем, возвращают нас к одной из страниц истории этих рабочих, которую цензура современных социал-империалистов Пекина и корыстное молчание правящих классов Запада хотели бы оставить в забвении.

Поколения китайских коммунистов

Первые флаги социализма и коммунизма были подняты в Китае в начале XX века в таких городах, как Гуанчжоу, Шанхай и Ханькоу (ныне Ухань), а также в Маньчжурии, дав надежду и идеал, пусть и в известных пределах, нескольким десяткам тысяч студентов и рабочих и небольшому числу интеллигентов.

Однако первое поколение китайского пролетариата, делая свои первые

шаги, к несчастью, не успело перенять ленинскую стратегию, которая оказалась опрокинута сталинистской контрреволюцией и крахом Интернационала в 1920–1930-х гг.

Впоследствии лучшие силы китайской революции будут в короткий срок разбиты и ликвидированы международной реакцией, “священным союзом”, призванным уничтожить истинный смысл Октября и принявшим облик сталинизма в СССР, фашизма, нацизма и социал-демократии на Западе и маоизма в Китае.

Но историю того первого поражения интернационалистов в Китае стереть было уже невозможно, поскольку она успела стать частью коллективного наследия международного пролетариата. Аналогичным образом некоторые из самых дальновидных предсказаний марксизма – смещение мирового экономического центра тяжести в Азию, развитие капитализма в Китае, его империалистическое созревание – сегодня с поразительной точностью воплотились в жизнь.

На Западе мало известно о том, какими путями мог пойти научный коммунизм в этой стране, или о том, как он уже преследовал Поднебесную, подобно тому, как *«призрак»*² “Манифеста Коммунистической партии” преследовал Европу. Но холодное размышление над своей историей необходимо молодому китайскому рабочему классу, чтобы осознать себя неотъемлемой частью мирового класса с общим опытом и борьбой. Помочь пройти этот долгий и очень трудный путь может неизменная фигура Троцкого, ставшая ещё более достойной внимания из-за обвинений в “троцкизме”, которые китайский режим годами использовал против своих оппонентов. Отсюда и дополнительный интерес к трудам Троцкого о китайской революции. [...]

Анализ поражения и пределы анализа Троцкого

Изучение поражения нашего класса в Китае необходимо начать с анализа международной обстановки и развития империализма в Азии, которые усугубляли ход национальных революций.

Роберто Казелла в комментарии к эссе Арриго Черветто “Ленин и китайская революция” пишет, что *«Лев Троцкий гигантом выступает против сталинизма, но гигантом, обзором отсутствием стратегии»*. Троцкий механически взял историческую модель Французской революции и наложил её на русскую почву, став пленником этой концепции: по его мнению, сталинизм – это “термидор” Русской революции, разгромивший якобинцев, то есть большевиков, и подготовивший почву для бонапартизма – контрреволюционной военной диктатуры.

Бывший глава Красной Армии опасался, что в СССР наступит милитаризм, поддерживаемый крестьянами, который приведёт к возвращению *«частного капитализма»*. В своей попытке проанализировать социальные основы политических изменений он не сумел разглядеть роль других «эле-

ментов» капиталистического развития, в частности *«государственного капитализма»*³. Для Троцкого сталинизм был выражением не реставрации капитализма, а фазы неустойчивого политического равновесия – “термидора”, непредвиденным условием борьбы, которое всё же могло привести СССР не только к бонапартизму, но и к социализму; по этой причине ему приходилось, критикуя СССР, одновременно защищать его от нападок других держав.

«Ограниченность Троцкого, – писал Черветто в 1987 году, – заключается именно в отсутствии у него обоснованной теории капиталистического развития. Это мешает ему понять, что “новое”, которое утверждается в российском обществе, – это государственный капитализм, и в конечном итоге мешает ему разработать стратегию. Формула “переродившегося рабочего государства” была не способна развязать, а тем более теоретически разрубить гордиев узел сталинизма».

Напротив, той канвой, которую следовало разрабатывать для того, чтобы твёрдо уловить общее направление событий, было развитие капитализма в империалистической фазе в бурные двадцатые годы XX века. На этом простом тезисе была основана и стратегия Ленина, заключающаяся в ориентации на международную революцию, а не только на революцию в России. По этой причине теория империалистического развития и ленинские прогнозы относительно его перспектив в Азии были интернациональной основой стратегии, применимой также и к пролетариату Китая.

Историческая ценность урока 1927 года

События 1927 года остаются напоминанием о поражении пролетариата, как и другие поражения, начиная с 1848 года, в международной истории молодого класса наёмных рабочих. Штурм неба коммунарами Шанхая и Гуанчжоу был одним из “первых огней”, зажжённых в Азии великой борьбой между современными классами, которая началась в Европе с промышленной революцией и утверждением капитала. Расстрелы и обезглавливания, учинённые буржуазными подлецами, конечно, не могли стереть эту благородную попытку из истории, а, напротив, навсегда закрепили урок, преподанный суровой школой классово-вой борьбы будущим продолжателям дела коммунистического освобождения общества.

1927 год стал упущенной возможностью: именно тогда стало понятно, что слияние *«китайской революции с европейской революцией»* было уже невозможно; ход событий заставил самое слабое звено (Китай) выполнять функции самого сильного звена (Германия), если говорить в терминах Ленина. Черветто писал: *«В Китае объединились объективные условия, которые позволяли революционной коммунистической партии, доводя до конца аграрную реформу и используя движение крестьянских масс, завоевать власть по примеру России, осуще-*

*ствить диктатуру пролетариата и поставить эту социалистическую власть в распоряжение революционной стратегии Коммунистического Интернационала. Разрыв этого “второго звена” нанёс бы потрясающий удар уже потрясённому европейскому империализму и ускорил и радикализировал бы классовую борьбу в метрополиях. Советская инволюция отсрочила до следующего исторического момента возможность объединить в единую всемирную стратегию две столь мощные революции. Можно дискутировать сколько угодно, но в 1927 году эта возможность была упущена»*⁴.

Исторический момент был лишь отложен и ждёт революционеров, которые смогут справиться со стратегическими вызовами нового века.

Lotta comunista, декабрь 2024 г.

1 – Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 1991. С. 502, 503.

2 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. С. 423.

3 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 43. С. 205.

4 – Черветто А. Унитарный империализм: в 2 т. Киров: Марксистская наука, 2005. Т. 2. С. 66.

Степлов Ю.М.

Первый интернационал: Международное товарищество рабочих. 1864-1872

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статьёй Д.Б. Рязанова “Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала” (из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Джаната Дал (Объединённая) в Бихаре

Аджай Чхиббер, профессор Индийского совета по исследованию экономических отношений Индии в Нью-Дели, утверждает в журнале *Business Standard*, что будущее Индии зависит от того, что произойдёт вдоль самой священной для индусов реки – Ганга.

Реализация поставленной Нарендрой Моди цели *Viksit Bharat* («развитая Индия») к 2047 году будет в значительной степени зависеть от штатов Гангской равнины, самых беднейших на субконтиненте. Самым отсталым из них остается Бихар, крупный штат на востоке Индии: рост, который он испытал за последнее десятилетие под руководством Нитиша Кумара, лидера партии Джаната Дал (Объединённая), одного из главных союзников правительства БДП, оказался недостаточным, чтобы поднять его с последнего места.

Бихар, большой опоздавший

Бихар, размером чуть больше Португалии, имеет более 130 миллионов жителей, что делает его одним из самых населённых индийских штатов. Это преимущественно сельское население с самым низким уровнем грамотности среди крупных штатов (62 %) и подушевым доходом на уровне одной трети от среднего показателя по стране. В прошлом году рост ВВП был значительно выше среднего, но в предыдущем десятилетии он был ниже.

Согласно статье «Относительные экономические показатели Индийских штатов: с 1960–1961 до 2023–2024», опубликованной Консультативным советом по экономике премьер-министра Моди, доля Бихара в ВВП Индии составляла 7,8 % в 1960–1961 годах, затем снижалась в течение четырёх десятилетий и стабилизировалась на уровне 4,3–4,4 %: вместо того чтобы нагнать, Бихар увеличил своё относительное отставание. По словам Чхиббера, ожидается, что темпы роста увеличатся с 5–5,5 % в 2012–2022 гг. до 8–8,5 % в ближайшие 25 лет благодаря демографическому дивиденду: доля населения трудоспособного возраста будет расти ещё десятилетие. Миллионы новых наёмных работников будут переезжать в Махараштру, Дели, Пенджаб и на Юг, но большинству придётся искать работу в пределах штата и вне сельского хозяйства. Инвестиции в инфраструктуру, здравоохранение и образование будут иметь решающее значение, чтобы повысить привлекательность Бихара для промышленного капитала.

Родина сельских политических движений

С другой стороны, Бихар считается первым штатом современной Индии: он был создан в 1912 году британцами, которые выделили его из Бенгальского президентства вместе с провинцией Орисса (ныне Одisha), с которой их разделили в 1936 году. С тех пор его границы оставались неизменными до 2000 года, когда был создан штат Джаркханд – регион на юге Бихара, богатый минеральными ресурсами, где расселены несколько племенных народов, так называемых *адиваси*.

По мнению Ракеша Анкита, профессора истории и международной политики Университета Лафборо, в Бихаре древняя кастовая «структура» трансформировалась в «территориальную демократию»,

которая естественным образом переросла в систему региональных партий. Этому способствовал тот факт, что британское колониальное правление имело более слабую политическую хватку в этом регионе, опираясь разве что на власть «подконтрольного раджи» (*“Caste politics in Bihar: in historical continuum”*, 2018).

В Бихаре высшие касты, такие как брахманы, *бхумихары* и *раджпуты*, контролировали общество на протяжении как минимум тысячи лет, пока им не бросили вызов землевладельческие классы и их арендаторы, а также соответствующие промежуточные касты. Основные из них – *ядавы* (14 % населения, в основном сконцентрированы в северо-восточном Бихаре), *курми* (3 %, сосредоточены в районе центрального Бихара, называемом Курмистан) и *козри* (5 %, сосредоточены на юге центрального Бихара); своё политическое выражение они нашли в региональных социальных движениях с начала 1900-х годов.

Именно в Бихаре Ганди в 1917 году создал первое движение пассивного сопротивления *сатьяграха* («упорство в истине»), возглавив крестьянское восстание и задав направление движению за независимость: в то время это движение колебалось между умеренными, которые принимали британскую колониальную систему, и радикалами из Бенгалии, которые выступали за использование насильственных методов для свержения британского правления. Из череды альянсов между крестьянами, *заминдарами* (феодалной аристократией) и правительством в 1933 году родилась Тривени Сангх, коалиционная партия средней касты, где ведущую роль получили *ядавы*, *курми* и *козри*. С точки зрения Анкита, это была первая попытка оказать независимое политическое давление и создать автономную политическую партию, оппозиционную Индийскому национальному конгрессу (ИНК).

После обретения независимости закон 1950 года о земельной реформе в Бихаре, хотя и частично отменённый, привёл к появлению нового класса землевладельцев среди крестьян-арендаторов и помог нанести «смертельный удар по традиционной социальной пирамиде», хотя и развил «сеть патронатов», связанных «кастовым союзом». Социалисты, отколовшиеся в 1948 году от ИНК, обратились именно к крестьянам из отсталых каст.

Семена политики 1990-х годов

В августе 1965 года социалисты возглавили крупнейшее после провозглашения независимости народное движение в Бихаре по проблемам повышения налогов в учебных заведениях, широкого продовольственного кризиса, инфляции и коррупции в правительстве ИНК. К власти приходило новое поколение: выборы 1967 года положили конец господству ИНК на выборах, которое продолжалось два десятилетия. Самым значимым социальным законом для отсталых каст стало решение об отмене преподавания английского языка в школьных и университетских программах и его обязательного использования в высших учебных заведениях. Это привело к резкому изменению социального состава этих учебных заведений: в них стали поступать студенты из сельских районов и отсталых каст.

В начале 1970-х годов Бихар стал ареной борьбы крупнейшего национального студенческого движения Джаяпракаша Нараяна (ДН). Хотя это движение не было явно сфокусировано на социально-кастовых проблемах, оно было переплетено с процессом смены власти между социальными классами и послужило политической школой для нового поколения лидеров. Историк Рамачандра Гуха в книге «Индия после Ганди» отмечает, что борьба Джаяпракаша Нараяна напоминала борьбу 1950-х и 1960-х годов в Китае в плане переплетения студенческой мобилизации и аграрного вопроса.

Именно чрезвычайное положение, введённое Индирой Ганди в 1975 году, направило эти силы два года спустя в Джаната Дал («Народную партию»), альянс оппозиционных партий. Подобно тому, как старшее поколение лидеров созревало в борьбе за «первую независимость», новые лидеры проходили политическую школу в борьбе за «вторую свободу» против «чрезвычайного положения».

Джаната Дал недолгое время находилась у власти, после чего составляющие её силы раскололись, и она уступила лидерство ИНК; однако, это социальное движение 1970-х годов посеяло семена политики 1990-х годов. Её распад привёл к появлению Бхаратия Джаната Парти (БДП), Джаната Парти (Светская) и Джаната Дал, осколки которой влились в Самата Парти (СП) в Уттар-Прадеше, Раштрия Джаната Дал (РДД) и Джаната Дал (Объединённая) в Бихаре и Биджу Джаната Дал (БДД) в Одише.

Партии ядавов и курми

1980-е годы стали свидетелями ожесточённых эпизодов насилия. Газеты того времени писали о «военных царьках», «кулаках» и «новом крепостном праве», а борьба между передовыми и отсталыми землевладельческими кастами переплеталась с борьбой между безземельными низшими кастами и земельной собственностью в целом. В 1990-х годах к власти пришёл Лалу Прасад Ядав.

Лидер студенческого движения ДН в университете Патны, столицы штата Бихар, Лалу сразу же примкнул к социалистическому течению Джаната Дал, став поборником социальной справедливости и секуляризма.

Какие другие лидеры, он воспользовался квотами на государственные должности, зарезервированными на национальном уровне для представителей так называемых отсталых каст (*other backward class*, ОВС), и долгие годы правил штатом на основе социальной коалиции отсталых каст и мусульман, составляющих 17 % населения. Главной политической базой Лалу была его община *ядавов*, самая политически и экономически успешная подгруппа ОВС. В середине 1990-х годов Джаната Дал раскололась, и Лалу основал Раштрия Джаната Дал (РДД), но его правительство становилось всё больше похоже на комитет *ядавов*: другие касты ОВС и часть мусульман, 75 % которых принадлежат к отсталым кастам, начали отдалиться от этой партии.

Этим воспользовался его вечный соперник Нитиш Кумар, тоже выходец из движения ДН времён его расцвета. Выпускник факультета электротехники и бесспорный лидер касты *курми*, в свои семьдесят три года он считается опытным игроком в коалиционной динамике: ему удалось расширить свою узкую базу, завоевать и удерживать пост главного министра Бихара на протяжении почти 20 лет.

Его партия Джаната Дал (Объединённая), образованная в 2003 году в результате слияния некоторых секций старой Джаната Дал, впервые победила на выборах в 2005 году в союзе с БДП. Её программа «справедливого развития» и двузначный рост экономики сделали его «человеком надежды», благодаря чему он стал конкурентом Моди, тогдашнего главного министра Гуджарата.

В 2013 году Джаната Дал (Объединённая) разорвала союз с БДП и присоединилась к *Махагатхбандхан*, большому альянсу Раштрия Джаната Дал и Конгресса, и победила на выборах 2015 года. За этим последовали новые повороты: последний из них произошёл в этом году, когда партия отказалась участвовать в возглавляемом Конгрессом блоке I.N.D.I.A. и вернулась к сотрудничеству с БДП незадолго до всеобщих выборов. Вместе с партией Телугу Десам в штате Андра-Прадеш Джаната Дал (Объединённая) стала второй региональной опорой правительства Моди.

PayPal-мафия в Белом доме

Объявляя о своём назначении на пост главы нового *Департамента эффективности правительства (DOGE)*, Илон Маск заявил, что будет добиваться отмены нормативных требований, сокращения бюрократии и снижения расходов: «Когда президент отменит тысячи подобных нормативных актов, критики будут утверждать, что он превысил полномочия исполнительной власти. На самом деле он будет исправлять превышение полномочий исполнительной власти тысячами нормативных актов, [потому что] большинство правовых предписаний – это не законы, принятые Конгрессом, а правила и нормы, изданные неизбираемыми бюрократами».

Маск неоднократно обвинял чрезмерное регулирование в торможении собственных бизнес-проектов; он выражал своё недовольство бюрократией и налогообложением и выступал в защиту прав личности и прерогатив штатов против всепроникающего вмешательства федерального правительства. Всё это находит отклик в силу американского морального фактора, прежде всего в мире бизнеса. Со свойственным ему коммуникативным талантом Маск объявил, что дерегулирование оживит экономику: DOGE сократит расходы на 2 трлн долл., что составляет 1/3 федеральных расходов.

Дерегулирование плюс государственные расходы

По словам Эдварда Люса из *Financial Times*, группа трампистов готовит «крупнейшую в истории операцию по дерегулированию», но прилив поднимет не все лодки, а только «мегахиты» «PayPal-мафии» из Кремниевой долины. Эти предприниматели включились в борьбу за распределение государственных расходов в целом и контрактов Пентагона в частности.

«Клика миллиардеров [...] берёт Вашингтон штурмом», – пишет *The Economist*. *Financial Times* исследует мутацию воен-

но-промышленного комплекса через колебания цен на акции: «Новое поколение оборонных подрядчиков» стремится «слоमित [...] олигополию» доминирующих групп. «Технологические группы пытаются урвать больший кусок оборонного бюджета» и делают ставку на то, что администрация Трампа с помощью DOGE откроет им двери.

Пит Хегсет, кандидат Дональда Трампа на пост главы министерства обороны, также свидетельствовал об этом на слушаниях по утверждению его кандидатуры в Сенате: Пентагон, по его словам, «самоизолировался», пытаясь «блокировать новые технологии». Отношения между устоявшимися оборонными группами и подрядчиками новых технологий, как далее комментирует *Financial Times*, могут варьироваться от сотрудничества до полномасштабной конкуренции.

Миллиардеры-популисты

Питер Тиль был соучредителем стартапа PayPal, занимающегося электронными платежами, и возглавляет Palantir Technologies, компании в сфере анализа больших данных. Он родился в 1967 году во Франкфурте, юность провёл в Южной Африке, Намибии и США, где учился в Стэнфордском университете. В 1996 году он основал Thiel Capital Management и занялся венчурным капиталом: в 1999 году его компания Confinity запустила PayPal, которая в 2000 году объединилась с онлайн-банком Маска X.com; в 2002 году PayPal была окончательно приобретена eBay, но Маск и Тиль продолжили поддерживать отношения сотрудничества/соперничества как в бизнесе, так и в политике.

Хотя Тиль поддерживал Трампа в 2016 году, позже он дистанцировался от него, заняв сторону Рона Десантиса, а затем Джей Ди Вэнса, своего сотрудника в Mithril Capital. Его амбиции, согласно *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, заключались в создании «трампизма 2.0». Маск, который ещё в 2020 году поддерживал

НАЗАД В 1898

Заявления Дональда Трампа из Мар-а-Лаго напоминают темы «экспансионистов» конца XIX века – представителей политических течений, возникших в период становления империализма США. Мы уже разбирали это в связи с войной 1898 года между США и Испанией, изучая материалы, полезные в том числе как историческая аналогия с восхождением современного китайского империализма. За нынешними целями, объявленными Трампом в отношении Гренландии, Канады и Панамского канала, стоят как торговые соображения, так и страх перед влиянием Москвы и Пекина на Арктику и Западное полушарие. Вызывают они, однако, и сомнения в надёжности заявлений президента.

«Даже если Трамп никогда не выполнит свои угрозы, он уже нанёс огромный ущерб глобальному положению Америки и её системе альянсов».

Гидеон Рахман, *FINANCIAL TIMES*, 13 января.

«Заявления избранного президента – и скрытые за ними угрозы – стали ещё одним напоминанием о том, что его версия “America First” – это не изоляционистское кредо. Его агрессивная интерпретация этой фразы напоминает экспансионизм или колониализм президента Теодора Рузвельта, который закрепил контроль над Филиппинами после испано-американской войны 1898 года. И она отражает инстинкты застойщика, у которого внезапно появилась мощь крупнейшей в мире армии, чтобы подкрепить свою стратегию ведения переговоров».

Дэвид Сэнгер, *The New York Times*, 23 декабря.

«По мере того, как мир готовится к возвращению Трампа, параллели между его требованиями и далёкой эпохой американского империализма конца XIX века становятся всё более актуальными. Трамп уже выступал за протекционизм той эпохи, утверждая, что Соединённые Штаты в 1890-х годах “были, вероятно, самыми богатыми в истории, потому что тогда существовала система тарифов”. Теперь он, похоже, добавляет к этому акцент XIX и начала XX веков на территориальном контроле. Общим для обеих эпох является страх того, что геополитика выйдет из равновесия, и угроза оказаться исключёнными с территорий, имеющих большое экономическое и военное значение [...]. Некоторые считают, что одержимость Трампа Гренландией, Панамским каналом и даже Канадой – это возвращение к вопросу об экспансионистских устремлениях. Хотя Соединённые Штаты по-прежнему являются доминирующей силой, у них меньше рычагов влияния, чем в 1880–90-х годах, не только из-за восхождения Китая, но и из-за того, что многие страны считают, что Америка сама погружается в дисфункцию и долги, в это время как другие страны испытывают бурное развитие».

Дэвиан Кейв, *The New York Times*, 8 января.

СОБЕСЕДНИКИ “ЗЕЛЁНЫХ” И ПЕКИНА

Дэвид Пердью (1949 г. р.) был назначен послом в Китае, получив одобрение Делового совета США-Китай, объединяющего сотни американских компаний, работающих на этом рынке. Во время первого срока Трампа Пердью был сенатором от штата Джорджия (2014–2020), членом сенатских комитетов по международным отношениям и по вооружённым силам, считался посредником между новым президентом и лидерами республиканцев в Конгрессе. Бывший сенатор известен своими агрессивными высказываниями в адрес Пекина, однако его деловая биография позволяет ему не понаслышке знать как о важности китайского рынка для американских компаний, так и о появившихся на нём конкурирующих группах. Окончив инженерный факультет Технологического института Джорджии, Пердью был руководителем компаний Sara Lee (пищевая промышленность, Иллинойс), Haggar (швейная промышленность, Техас) и генеральным директором Reebok (обувь, Массачусетс) и Dollar General (супермаркеты, Теннесси) в то время, когда перевод производства в Азию был нормой для американских компаний.

Дэг Бурзум (1956 г. р.) был выдвинут на пост министра внутренних дел – департамента, который следит за использованием федеральных земель и воды, а значит, имеет право влиять на добычу ресурсов из недр. С 2016 года Бурзум является губернатором Северной Дакоты, где он продвигает традиционный сектор ископаемого топлива, но, пользуясь своим предпринимательским прошлым, он также пытался привлечь инвестиции в технологический сектор и ветроэнергетику, чтобы снизить зависимость штата от цен на газ и нефть. По этой причине его считают возможным представителем возобновляемой энергетики в политической коалиции Трампа. Бурзум начал свою деловую карьеру в 1983 году, заложив семейную ферму, чтобы заняться компьютерным бизнесом. В 2001 году он продал свою компанию по разработке программного обеспечения компании Microsoft, в которой впоследствии возглавил одно из подразделений. Ему принадлежат венчурная компания и компания по продаже недвижимости в Фарго – городе на границе с Миннесотой, который был увековечен в одноимённом фильме братьев Коэнов.

Байдена, «заполнил пустоту, оставленную Тилем», начав сотрудничество с Трампом в 2024 году. Выпускник факультета философии и права, Тиль выделялся в Стэнфорде своими либерально-консервативными взглядами и, по мнению FAZ, являлся «политическим философом среди Silicon Valley Boys». Будучи фанатом творчества Дж. Р. Р. Толкиена, он симпатизирует также Айн Рэнд, прославляющей предпринимательство, индивидуализм и американский капитализм. Однако в книге 2014 года “Zero to One” он утверждал, что создатель успешного стартапа должен стать «монополистом», чтобы не тратить ресурсы на конкуренцию.

Palantir заключила крупные контракты с Пентагоном, и стоимость её акций, как отмечает Люс, превысила стоимость акций оборонного гиганта Lockheed Martin. В 2018 году Тиль стал главным спонсором Project Maven, который используется на Украине и Среднем Востоке для идентификации военных целей вместе со спутниковой системой “Starlink”, разработанной Маском. В 2020 году он перевёл офис компании в Денвер: по словам гендиректора Алекса Карпа, в «мощной технологической экосистеме» Колорадо он искал более «открытый» менталитет, чем «монокультура Кремниевой долины» (*Denver Business Journal*). Отношения новичков с крупным технологическим районом Калифорнии остаются двойственными.

Пузырь американской исключительности?

Трамп назначил “царём” Белого дома по искусственному интеллекту и криптовалютам Дэвида Сакса. Последний родился в 1972 году в Кейптауне (ЮАР), учился в США и окончил Стэнфорд; в 1999 году он вместе с Тилем участвовал в создании PayPal, а в 2017 году основал венчурную компанию Craft Ventures.

Одним из предвыборных обещаний Трампа было то, что ФРС введёт криптовалюты в свой баланс: «Если это произойдёт, – отмечает Люс, – центральный банк США, по сути, будет поддерживать схему Понци» – мошенническую цепочку, в которой новые участники выплачивают проценты старым партнёрам.

Осторожность, похоже, не волнует президента-магната, который в январе запустил свою личную криптовалюту

“\$Trump” через компании, контролируемые его семьёй. Сочетание интернета и валюты также входит в круг интересов и амбиций групп Кремниевой долины, которые планируют взять штурмом Уолл-Стрит и Вашингтон.

По мнению *The Economist*, Маск, Тиль и Сакс – члены «PayPal-мафии», которые наиболее близки к Белому дому. Другие предприниматели приближаются к нему через оборонные контракты. Компания Anduril Industries, основанная в 2017 году Палмером Лаки, производит беспилотники в Коста-Месе, торговом городе в районе Лос-Анджелеса. Лаки, зять Мэтта Гетца – первого кандидата Трампа на пост министра юстиции, – поставляет свою продукцию Пентагону через Palantir.

Ещё одну связь можно найти в лице Трэя Стивенса, соучредителя Anduril, который сейчас работает в Founders Fund, основанном Тилем, Кеном Хоури и Люком Носеком. Хоури, один из первых инвесторов PayPal, будет послом Трампа в Дании; он знаком с Тилем со Стэнфорда. Носек является акционером SpaceX и входит в её совет директоров.

Lotta comunista, январь 2025 г.

Октябрь 1917 года. 100 лет.
100 борцов за революцию

364 страницы, твердый переплёт,
именной указатель, иллюстрации
по тексту, хронология

ISBN 978-5-9905528-6-9

Цена 300 руб.

Хроники Шёлкового пути

Китайский консенсус по поводу сделки с США

По словам Дэвида Ли Даокуя, директора центра «Китай и мировая экономика» Школы экономики и менеджмента Университета Цинхуа и представителя либеральной истеблишмента Пекина, преобладающий в Китае консенсус заключается в том, что вести дела со «старой» американской державой необходимо. Тут нужно пояснение. Использованное определение помогает понять «истинный образ Соединённых Штатов» в восприятии китайской империалистической буржуазии, и здесь «старый» не обязательно указывает на возраст.

Автор использует приставку, которую в Китае добавляют к фамилии старшего по званию или физически сильного и крупного человека, властного, самоуверенного, упрямого, эгоцентричного и часто сварливого. Речь идёт о «стереотипах» или, скорее, об их идеологическом использовании для описания траектории упадка сверхдержавы. Америка «не всегда может быть разумной: она может быть раздражительной, как старый дед».

Пекин считает приоритетной задачей «вести себя должным образом» с США как гарантом мирового порядка, из которого Китай извлёк выгоду за сорок лет «реформ и открытости». Но что если теперь Вашингтон начнёт отвергать этот порядок?

Хотя растущая агрессивность Америки делает этот вопрос крайне острым, «за исключением ультралиберальных мнений, средняя или консенсусная точка зрения, по-видимому, довольно ясна»: Китай должен продолжать «уважать [Америку] и вести переговоры» с этим «великим стариком», сохраняя при этом твёрдость в вопросах, представляющих стратегический интерес. В конце концов, время на стороне Дракона («China's World View», 2024).

Провинции и учёт мнений

По мнению того же автора, определение внешней политики Китая – весьма сложный процесс, поэтому он вряд ли может выйти из-под контроля или привести к непродуманным поворотам, свойственным американской демократии. Наиболее близкий пример этому можно найти в его экономической политике. В ноябре 2008 года Ли Даокуя без предупреждения вызвали в Пекин. Сидя среди глав провинций, крупных компаний и государственных банков, он узнал от Вэнь Цзябао о введении антикризисного инвестиционного пакета в размере 4 трлн юаней, что соответствовало примерно двум годам торгового профицита Китая. Удивление от масштабов реакции на глобальный финансовый кризис сменилось тихим шелестом среди собравшихся, которые принялись делать записки, – сцена необычная среди китайских местных руководителей, обычно заранее осведомлённых обо всех важных решениях. Затем последовало совещание с представителями провинций.

Этот эпизод поучителен с двух точек зрения. С одной стороны, существует традиция централизации плюрализма сил, в рамках которой ключевые регионы китайского империализма регулярно сверяют интересы на «совещаниях» и находят себе выражение в множестве партийных и государственных надстроек. Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК и Государственный

совет КНР (высший исполнительный орган) встречаются еженедельно; Политбюро ЦК КПК и Всеитайское собрание народных представителей (парламент) проводят регулярные сессии раз в месяц. Последнее выполняет функции, полностью аналогичные функциям «Сената» и «Палаты представителей» в США, и эти сессии часто сопровождаются «жаркими дискуссиями»; Народный политический консультативный совет Китая является эквивалентом «Палаты лордов». Местные органы власти имеют различный вес в соответствии с иерархией «рангов»: главы Пекина, Шанхая, Чунцина и Гуанчжоу аналогичны вице-преьерам, губернаторы и секретари провинциальных комитетов КПК – министрам, мэры городов – секретарям министерств и так далее.

С другой стороны, китайский метаболизм демонстрирует высокую скорость принятия решений, которая, безусловно, становится возможной благодаря исключительным полномочиям, которые берёт на себя центр в случае кризиса, а также эффективность обычной централизации, которая как раз и позволяет реагировать на вызовы.

Китайская система сдержек и противовесов

Ли Даокуй считает эффективной также систему противовесов. Парламент не отклоняет законопроекты потому, что они выдвигаются только после долгих совещаний: вспомнить хотя бы историю введения налога на имущество, который уже десять лет блокируют местные органы. Реформа местных судов, которая приписала провинции к более широким судебным округам, чтобы устранить их правовой «суверенитет», так и не смогла ограничить широкие полномочия, которыми пользуются местные администрации.

Здесь поддержка независимой судебной власти была направлена против местных властей, которые традиционно занимались применением законов. Наконец, существует плюрализм местных СМИ, который поощряется центром в целях создания противовеса различным группировкам и влиятельным фигурам. Китай располагает огромным внутренним рынком, удовлетворяющим аппетитам богатых провинций. Антикоррупционная кампания должна также регулировать эту сферу отношений между рядом прибрежных «Японий» и внутренней «Африки».

«Маловероятно», что Китай примет западную форму демократии: хотя сторонники такого подхода исторически составляли большинство, в итоге в качестве компромисса утвердилась линия «демократии с китайской спецификой». Ключевой вопрос здесь – централизация внешней политики, формирующаяся в результате сложного равновесия между разнонаправленными силами и интересами, исходящими от мощных экономических группировок Поднебесной, ориентированных на мировой рынок и меняющийся баланс сил. Статья двух патриархов «американской» партии Ван Цзиси и У Синьбо, вышедшая в сборнике «Cold Rivals» под редакцией Эвана Медейроса в 2023 году, до второй победы Дональда Трампа, показывает, как среди китайских течений созрева-

ла дискуссия о том, как реагировать на действия приходящей в упадок Америки.

Новый век, усиливающееся соперничество

По мнению Ван Цзиси, охлаждение между Вашингтоном и Пекином стало необратимым в 2017 году, и не только из-за избрания Трампа, но и из-за перемен, вызванных мировым кризисом 2008 года. Китай учитывал это ещё при Ху Цзиньтао в 2010 году, дополнив преобладающую линию «сдержанности» новой «проактивной» позицией. Затем, в 2012 году, настала очередь Си Цзиньпина, который начал поощрять более воинствующий национализм; президентство Байдена представляло собой лишь относительное затишье.

Многие китайские чиновники считали, что Китаю будет выгодно американское давление, стимулирующее конкуренцию, если только удастся избежать прямого столкновения.

У Синьбо, директор центра американских исследований при Университете Фудань (Шанхай), считает, что настоящим поворотным моментом стал 1999 год, когда Джордж Буш – младший определил Китай как «стратегического соперника», а после азиатского «поворота» Барака Обамы страны пришли к беспрецедентному геополитическому соперничеству. По мнению У, китайская элита двояко интерпретировала первый срок Трампа: будучи наглядным проявлением упадка Америки, оно в то же время предвещало долгое соперничество. Президентство Трампа неизбежно вело к усилению конкуренции, но в то же время могло быть использовано для ускорения реструктуризации Китая. В руководстве Трампа доминировали национализм и экономический реализм, а также «ястребы» из госбезопасности. Джо Байден продолжил линию на протекционизм и технологическую блокаду, и вдобавок начал уделять внимание альянсам в Азии. В Америке складывался широкий консенсус для противостояния, а что в Китае?

Больше путей для Си Цзиньпина

«Мнения высокопоставленных китайских лидеров относительно стратегии, которую следует принять, разошлись. Си Цзиньпину выпала честь создать консенсус и оставить за собой последнее слово». Пекин сначала пытался пойти на уступки, затем начал торговое контрнаступление и, наконец, предложил перемирие; защита Китая многосторонности, свободной торговли и либерального порядка могла быть использована на международном уровне в отношениях с другими державами, затронутыми американской односторонностью; концепция «двойной циркуляции» подразумевала открытость по отношению к Европе, Азии и даже американским транснациональным корпорациям в сочетании с опорой на национальный рынок, который можно оградить от конкуренции и который в любом случае являлся резервным бассейном для технологической самодостаточности и контроля над ресурсами.

На политическом уровне точка зрения Си формировалась не только с учётом оценки структурного антагонизма, который должен привести к растущему соперничеству по мере объективных изменений в балансе сил, но и с учётом

того факта, что внутренняя политика двух держав, а следовательно, и формирование стратегического консенсуса внутри них, подпитывают друг друга. Это оставляло место для взаимного влияния и, следовательно, делало возможным изменение темпов противостояния. По сути, соперничество между США и Китаем неизбежно и только усиливается, но его сроки и форма обуславливаются множеством отношений в Азии и Европе. Статьи Вана и У в книге Медейроса, бывшего помощника Обамы и ответственного за Азию члена Совета национальной безопасности, как мы можем интерпретировать, были адресованы потенциальной демократической администрации, но его можно принять во внимание и сегодня.

Цзинь Цаньжун, профессор Института международных отношений Китайского народного университета, остужает спор, начатый деканом Института финансовых исследований Чунъян Ван Вэнем, о возможных преимуществах, которые Китай получит от второго срока Трампа. Тирады последнего о Канаде, Гренландии, Панамском канале и секторе Газа интерпретируются как угрозы Пекину, какими бы странными они ни были: США готовы на всё, чтобы подготовиться к неизбежному стратегическому столкновению с будущим противником. В этом смысле Америка сигнализирует о своей готовности укрепить своё полушарие, «занять ключевые точки» на Среднем Востоке, задобрить Москву за счёт Киева, усилить контроль над союзниками, начать решающую стратегическую игру с Драконом.

Решающее столкновение, временное соглашение

Ударная волна второго срока Трампа превзошла китайские прогнозы: «Трампа начал реализовывать более открыто экспансионистскую стратегию, политику силы и империализма, в то время как изначально мы ожидали, что он продолжит торговую войну, запугает другие страны и выйдет из международных организаций». Пусть и размахивая оружием пошлостей, магнат, похоже, пока благоклонно относится к Пекину и считает, что может угрожать Китаю и одновременно льстить ему, как это делают бизнесмены перед началом переговоров. Призыв к «спокойствию» настойчиво звучал в китайских дебатах, несмотря на противоречивые сигналы из Белого дома, и это, по-видимому, возвращает нас к терпению и стратегическому хладнокровию, выработанным в годы правления Обамы и первого срока Трампа. Однако имеются существенные различия – усиление военного сдерживания и готовность Дракона использовать возможности, когда они возникают, включая возможность заключения «соглашений» с магнатом.

Цзинь Цаньжун, стряхивая пыль со старых инструментов, заключает: «Три волшебных оружия, предложенные председателем Мао, – «единый фронт, вооружённая борьба и партийное строительство» не устарели. Соблюдение этих принципов поможет Китаю занять выгодную позицию в глобальной конкуренции».

Пекин считает, что сможет справиться с «великим стариком» Америкой, воспользовавшись кризисом порядка.

Промышленность и фармацевтика

Biosecure Act против китайских биотехнологий

“Закон о биобезопасности” (*Biosecure Act*), который запретит “исполнительным агентствам” заключать контракты, предоставлять кредиты или субсидии любой компании, имеющей текущие или будущие коммерческие соглашения с «биотехнологической компанией, вызывающей беспокойство», получил 9 сентября в Палате представителей США более двух третей голосов, необходимых для его одобрения.

Биотехнологическая компания вызывает “беспокойство”, если она «базируется на территории или подчиняется юрисдикции правительства государства-противника и представляет угрозу национальной безопасности». Под «государствами-противниками» подразумеваются Северная Корея, Китай, Россия и Иран, но законопроект нацелен в первую очередь против китайского биотеха. Ожидается, что законопроект получит аналогичную двухпартийную поддержку и на предстоящем голосовании в Сенате. Как отмечает Романо Проди, республиканцы и демократы испытывают «одинаковую неприязнь к Китаю» (*Il Messaggero*, 04.11.2024).

“Закон о биобезопасности” касается пяти компаний: WuXi AppTec и её дочерней компании WuXi Biologics, BGI, MGI и Complete Genomics (*Ropes&Gray*, “Biosecure Act passed in the House of Representatives with a 306–81 vote”, 17.09.2024).

Неразрывные связи

WuXi AppTec и WuXi Biologics являются ведущими биотехнологическими компаниями и координируются в рамках CDMO (*Contract development & manufacturing organization*), то есть берут подряды на различных этапах разработки и производства продуктов медицинской отрасли. Их клиентами являются компании, занимающиеся “науками о жизни”, включая крупные транснациональные фармацевтические корпорации. Эти две компании также предоставляют услуги по исследованиям (CRDMO, *Contract research, development and manufacturing organization*), клиническим и доклиническим исследованиям, а также разработке передовых методов лечения (CTDMO, *Contract testing, development and manufacturing organization*). WuXi AppTec была основана в 2000 году, насчитывает 38 тысяч сотрудников и имеет оборот в 5,6 миллиарда долларов.

12 февраля 2024 года четыре сенатора (включая председателя Специального комитета по Китаю) направили официальный запрос Джине Раймондо (министру торговли), Джанет Йеллен (министру финансов) и Ллойд Остину (министру обороны) о проведении расследования в отношении WuXi AppTec и её дочерних компаний, так как это «гигант, угрожающий интеллектуальной собственности и национальной безопасности США» в связи с тесными связями с армией и совместным военно-гражданским финансированием.

WuXi занимается разработкой и производством для американского рынка передовых лекарств для лечения тяжёлых заболеваний, таких как различные виды рака и кистозный фиброз. По данным *New York Times*, WuXi участвовала в разработке четверти лекарств, используемых в США, и в 2023

году от своей деятельности на американском рынке получила 3,6 миллиарда долларов, что составляет 65 % от общего дохода компании, в то время как на деятельность на европейском рынке пришлось 12 %, а на китайском – 18 % (*Fierce Pharma*, 19.03.2024).

В США WuXi AppTec и WuXi Biologics получили миллионы долларов в виде налоговых льгот для строительства исследовательских центров и производственных предприятий в Массачусетсе и Делавэре (*New York Times*, 15.04.2024). WuXi сотрудничает с более чем сотней американских биотехнологических компаний, включая многие крупные фармацевтические корпорации, что, по мнению партнёров, способствует снижению затрат.

“Закон о биобезопасности” должен вступить в силу в 2032 году и предусматривает различные меры по «смягчению последствий». Однако перспектива вынужденного прекращения сотрудничества с WuXi, которое грозило бы невозможностью получения финансирования от федеральных агентств, особенно тревожит более мелкие биотехнологические компании, пишет *New York Times*. Они просят хотя бы сохранить действующие контракты и дать больше времени, чтобы избежать разрыва цепочек поставок. Разорвать связи между двумя сегментами мировой промышленной системы будет трудно.

Генетическое оружие

BGI, MGI и Complete Genomics фактически являются частью одной и той же группы и представляют собой колосса в области секвенирования геномов. BGI была основана в 1999 году как Пекинский геномный институт под эгидой Китайской академии наук для участия в Проекте генома человека, который привёл к расшифровке ДНК. В 2007 году она стала независимой компанией и перенесла свою штаб-квартиру в Шэньчжэнь, “китайский технологический инкубатор”, став одной из крупнейших компаний в мире в области секвенирования геномов не только человека, но и животных и растений. Имея примерно шесть тысяч сотрудников, она работает в ста странах, предоставляя оборудование и услуги академическим учреждениям, фармацевтическим компаниям и другим организациям (таким как Фонд Билла и Мелинды Гейтс), с которыми сотрудничает в международных исследовательских проектах.

В 2013 году BGI приобрела за 120 миллионов долларов калифорнийскую компанию Complete Genomics, основанную в 2005 году и специализирующуюся на секвенировании ДНК. Она выдержала конкуренцию со стороны калифорнийской Illumina, мирового лидера в области геномики (услуги и машины для секвенирования геномов) с более чем девятью тысячами сотрудников и оборотом в 4,4 миллиарда долларов. По данным *Financial Times*, Illumina контролирует 80 % глобального рынка (18.04.2023). Будучи крупнейшим клиентом Illumina по машинам для секвенирования ДНК, BGI стала её конкурентом, причём с длительным спором вокруг патентов, многие из которых сейчас истекают, что затрудняет продажи на американском рынке. За годы она

заработала репутацию высоких международных стандартов и «новой модели для китайской технологии».

Приобретение Complete Genomics также с самого начала столкнулось с сопротивлением американских регулирующих органов, которые видели в этом угрозу передачи технологий с потенциальным военным применением (*Financial Times*, 17.02.2015).

MGI Tech была основана в 2016 году как дочерняя компания BGI, отделилась от неё в 2022 году и зарегистрировалась на Шанхайской фондовой бирже. Её штаб-квартира находится в Шэньчжэне. Менее чем за десятилетие она стала ведущей компанией в области науки жизни и биотехнологий, развивая, среди прочего, производство малых (“настолевых”) и крупных устройств для секвенирования геномов, а также поставку систем автоматизации для лабораторий. MGI производит один из самых мощных секвенсоров в мире, который может снизить стоимость “чтения” человеческого генома до 100 долларов (*Financial Times*, 18.04.2023). Она насчитывает почти 2,7 тысяч сотрудников, треть из которых заняты в исследованиях и разработках (R&D), присутствует в более чем ста странах и имеет общий оборот в 2,78 миллиарда долларов. Complete Genomics осталась в составе MGI.

Преобразование MGI в независимую компанию было проведено именно для обхода проблем с проникновением на американский рынок. США включили BGI в “чёрный список”, подвергнув её ограничениям из-за «опасений» по поводу безопасности американских генетических данных. MGI заявила о своей “полной независимости” от бывшей материнской компании, однако отделение было подвергнуто критике как типичный способ китайских компаний создать видимость своей независимости от организаций, находящихся под прицелом США, с которыми они, тем не менее, сохраняют финансовые связи. И действительно, основатель BGI всё ещё владеет 47 % акций MGI, пишет *Financial Times*. По мнению Национального центра контрразведки и безопасности, китайские генетические компании представляют «потенциальные угрозы» из-за своих связей с государством и армией. Оказавшиеся «не в тех руках, американские генетические данные представляют серьёзные риски не только для конфиденциальности американцев, но и для экономической и национальной безопасности США» (18.04.2023).

От подражания к инновациям

По мнению *The Economist*, проект прекращения «прибыльных федеральных контрактов» с целью разорвать связи американских компаний с китайским биотехом имеет «неясные мотивы». Скорее, это «старомодный протекционизм», который, если будет реализован, вызовет «дефицит лекарств и задержки в клинических испытаниях медикаментов»: «каждая крупная западная фармацевтическая компания и многие мелкие должны будут разорвать цепочки поставок и найти новых партнёров для испытаний. Биотехнологические стартапы в особенности полагаются на низкоконтратных китайских произво-

дителей, чтобы вывести свои продукты на рынок». Пострадают от этого американские потребители (15.04.2024).

Тем не менее, Закон о биобезопасности является примером того, что, по мнению *Wall Street Journal*, станет «следующим полем битвы между США и Китаем». Лидерство в биотехнологиях всё ещё прочно находится в руках США, но новые конкуренты быстро приближаются. Китай, будучи фабрикой дешёвых активных веществ для мировой цепочки дженериков, за одно десятилетие превратился в инкубатор новых молекул. По мнению консалтинговой компании McKinsey, «китайская биофарма находится на пороге перелома, который другие отрасли уже преодолели», как это произошло с потребительской электроникой (“*Vision 2028: how China could impact the global biopharma industry*”, 15.08.2022). Европейская федерация фармацевтической промышленности, включающая страны ЕС и вне ЕС, с тревогой наблюдает за тем, как Европе приходится сталкиваться в том числе с растущей конкуренцией со стороны “развивающихся” экономик.

Расходы на исследования и разработки в фармацевтике всё ещё значительно выше в США и Европе. В 2022 году они составили 71,5 миллиарда долларов в США, 47 миллиардов в Европе и 14,8 миллиарда в Китае, который, однако, обошёл Японию (10,4 миллиарда). Темпы роста различны. По сравнению с 2010 годом в США они увеличились на 85 %, в Европе на 68 %, а в Китае на 755 %, в то время как в Японии остались практически на том же уровне. Значительные инвестиции, особенно в биотехнологии, привели к увеличению числа новых лекарств, включая передовые области, такие как генная и клеточная терапия, что привлекает многие европейские транснациональные компании.

В период с 2014 по 2018 год китайские компании выпустили на рынок только 4 новых «химических и биологических веществ», в то время как американские выпустили 125, в европейские – 67, японские – 34. Между 2019 и 2023 годами новых молекул, созданных в Китае, насчитывалось 71, в США – 148, в Европе – 81. Япония отстала, её обогнал совокупный показатель “других стран” (таких как Южная Корея, Индия, Бразилия) (EFPIA, “*The pharmaceutical industry in figures. Key Data 2024*”).

Китайская биотехнология, безусловно, извлекла выгоду из западных научных и технологических знаний, поскольку наука по своей природе интернациональна. Коммерческое и производственное сотрудничество между компаниями, работа – очень часто приносившая ценный вклад – сотен тысяч китайских исследователей и студентов в самых передовых западных, особенно американских, исследовательских центрах не могла не способствовать переносу приобретённого опыта на их родину.

Империализм экспортирует товары и капитал и таким образом выращивает своих будущих конкурентов. Это закон империалистического развития: сегодня настал черёд Китая.

Мировое сражение в энергетике

Гражданское и военное использование энергии Администрацией долины Теннесси

Развитие электросетей, то есть транспортировки электроэнергии на большие расстояния, позволило США использовать гидроэнергетику для индустриализации южных и западных штатов.

Регулирование против планирования

До начала Великой депрессии в 1929 году и избрания президентом Франклина Делано Рузвельта (1882–1945) в 1932 году технологические изменения в стране считались прерогативой частной инициативы. Риторика политиков и идеология крупных корпораций укоренили идею о том, что развитие и распространение систем производства являются продуктом свободно-предпринимательского капитализма.

По мнению Томаса П. Хьюза (1923–2014) – американского историка технологий, почётного профессора истории Университета Пенсильвании и профессора Массачусетского технологического института и Стэнфорда – в США игнорировали впечатляющее развитие новых промышленных отраслей в Германии, где многие энергетические компании были в собственности правительства, а государственное участие в развитии промышленности было само собой разумеющимся (Т. Р. Hughes, "American Genesis", 2004).

Будучи монополистическим по природе, производство электроэнергии нуждалось в государственном регулировании с первых десятилетий своего становления. Это вмешательство проявлялось в двух главных формах: регулировании деятельности частных промышленных компаний и прямом вмешательстве государства в виде плана. До великого краха 1929 года первая форма преобладала.

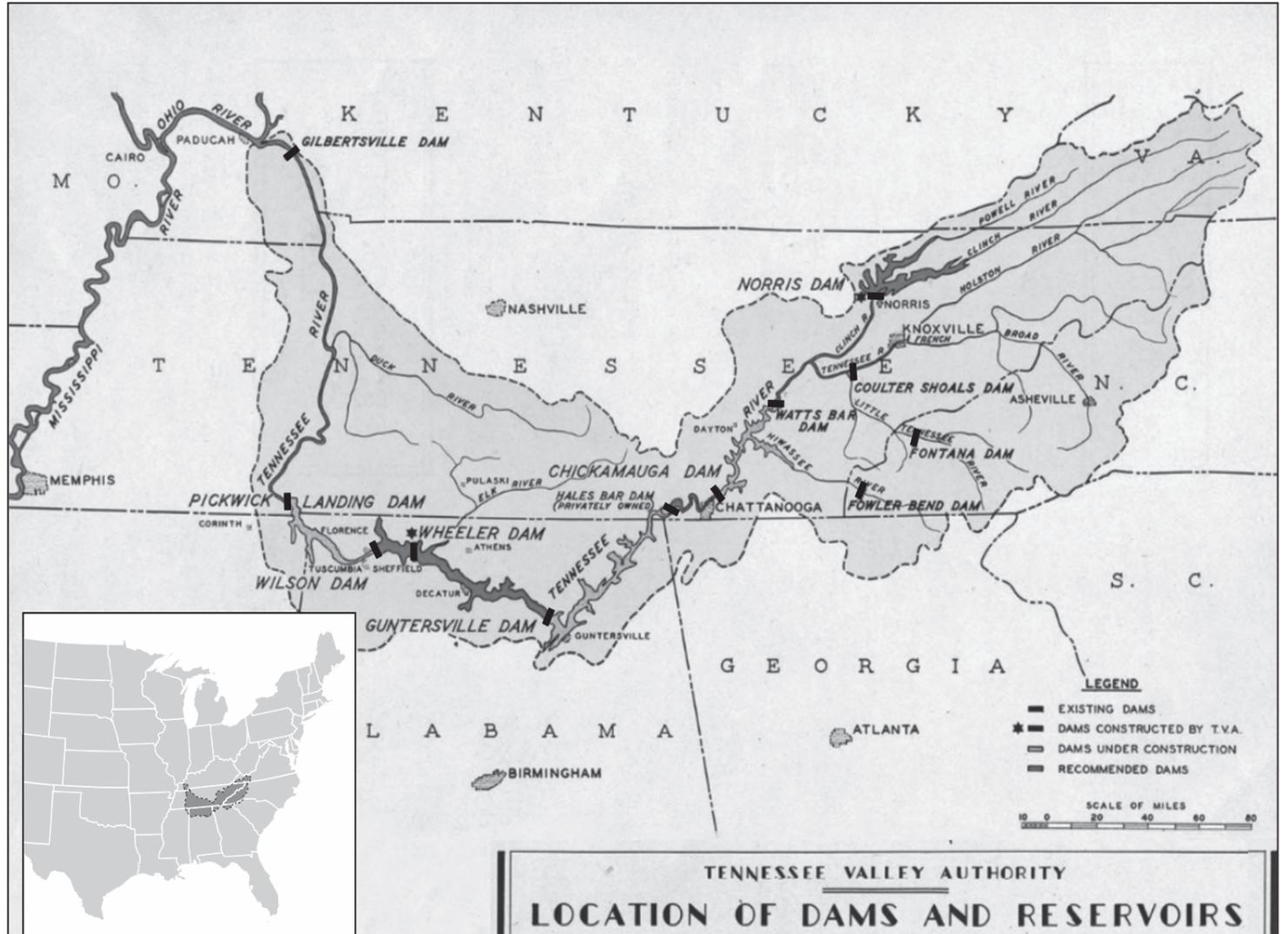
Прогрессисты, в частности сенатор-республиканец Джордж Норрис (1861–1944), поддерживали государственное планирование. Мы должны сделать одно уточнение: слово "прогрессист" мы употребляем в том значении, которое оно имело в США в те годы, а не так, как это понимается сегодня. Основной целью американских прогрессистов того времени было использование государственного вмешательства для ограничения влияния крупных частных финансовых, железнодорожных и энергетических компаний.

Глубокий кризис американского капитализма в 1929 году решительно сдвинул равновесие в сторону государственного вмешательства. Ключевым моментом в этом переходе стал конфликт между электрической империей Сэмюэля Инсулла (1859–1938) и политикой Рузвельта, сначала как нью-йоркского губернатора, а затем и как президента Соединённых Штатов (относительно Инсулла см. L'impero elettrico di Samuel Insull // Lotta Comunista, luglio-agosto 2019). Эта империя была разбита кризисом и, в конечном итоге, стала банкротом.

С погружением страны в Великую Депрессию, влиятельные частные производители электроэнергии перешли в оборонительную позицию, а прогрессисты, такие как Норрис, нашли могущественного союзника в лице президента Рузвельта. В качестве губернатора Рузвельт боролся за то, чтобы штат Нью-Йорк лидировал в региональном планировании. По пути к президентству он поделился этим опытом с Администрацией долины Теннесси (АДТ).

Администрация долины Теннесси

Электрические компании были важной темой президентской избирательной

Расположение плотин и водохранилищ на территории Администрации долины реки Теннесси. Существующие, построенные, строящиеся или планируемые плотины выделены черным цветом.

Источник: Карта расположения плотин и водохранилищ Администрации долины Теннесси, март 1936 года.

кампании 1932 года. После того, как битва за контроль над гидроэлектростанциями, построенными на реке Святого Лаврентия в штате Нью-Йорк, была проиграна, Рузвельт – теперь уже президент – избрал новым полем битвы штат Теннесси.

Долина Теннесси обладала потенциальным природным богатством – рекой, – но та постоянно выходила из берегов, вызывая наводнения, которые не только смывали почву, но и препятствовали торговле и навигации. С точки зрения Рузвельта, все крупные федеральные дамбы, такие, как плотина в Масл-Шолс, и распределительные сети вокруг них должно было контролировать федеральное правительство в Вашингтоне. Сенатор Норрис был одним из прогрессистов-республиканцев Сената, которые сделали возможными предложенные президентом планы (John F. Wasik, "The Merchant of Power", 2006).

Ключевым компонентом политики "Нового курса" была гидроэлектрификация, с помощью которой федеральное правительство пыталось внедрить местное территориальное планирование, начиная с производства электроэнергии и заканчивая управлением водными ресурсами, защитой почв, развитием сельского хозяйства и лесовосстановлением.

Инструментом же стала Администрация долины Теннесси, федеральная электроэнергетическая компания, учреждённая Конгрессом в 1933 году, которая сегодня снабжает электричеством штаты Теннесси, Алабама, Миссисипи, Кентукки, Джорджия, Северная Каролина и Вирджиния. Истоки компании прослежи-

ваются в столкновениях между частными и государственными корпорациями из-за гидроэлектростанций в Масл-Шолс (см. Contesa per le acque del Tennessee River // Lotta Comunista, maggio 2021), а также регионального плана "Гигантская сила" губернатора Пенсильвании Гиффорда Пинчота (1865–1946) (см. L'interventismo ecologista prepara il New Deal USA // Lotta Comunista, febbraio 2021).

В одной из своих речей перед Конгрессом Рузвельт заявил, что АДТ «выходит за пределы просто энергетического развития», и что он считает её «корпорацией, облечённой правительственной властью, но имеющей гибкость и инициативность частного предпринимательства, уполномоченной широчайшими обязанностями планирования для общего социального и экономического благополучия нации» (Т. Р. Hughes, указ. соч.). Его министр внутренних дел, Гарольд Икес (1874–1952) назвал АДТ великопленным экспериментом по региональному планированию. В одном исследовании 1934 года она названа величайшим опытом регионального планирования за пределами СССР.

Деятельность АДТ была болезненной и противоречивой, так как созданию водохранилищ в результате строительства новых плотин сопротивлялись местные жители, которых принуждали оставить свои фермы в затопляемых районах. Эти трудности отражены в фильме "Дикая Река" американского режиссёра Элиа Казана, который был сторонником "Нового курса". В названии фильма имеется в виду именно река

Теннесси, на которой он и был снят. Всего более 100.000 человек были вынуждены покинуть свои дома.

АДТ была первым крупным агентством регионального планирования американского федерального правительства, результаты усилий которого по модернизации США были признаны успешными, а также считаются образцом в мировой гидроэнергетике.

Производительные силы несут общественный характер, но подчинены господствующему способу производства. АДТ была, несомненно, фактором прогресса и продемонстрировала возможность преодоления капиталистического способа производства. Но в нынешней мировой империалистической системе каждая технология и форма социальной организации имеет двойное назначение, мирное и военное.

Во время второй мировой войны то, что казалось смелым социальным экспериментом прогрессистов, внесло значительный вклад в сектор военного производства: эта электроэнергия использовалась в производстве алюминия для самолётов, взрывчатки для бомб и артиллерийских снарядов и для другой энергоёмкой продукции, необходимой для войны.

Лишь после окончания войны стало известно, что "Манхэттенский проект" активно использовал энергию, поставляемую АДТ в Ок-Ридж, штат Теннесси, где находятся заводы по обогащению урана U-235, использованного для бомбы, сброшенной на Хиросиму.

Геополитика для начинающих

Электрический и цифровой переход теперь всё чаще демонстрирует другую свою сторону – военную. Таким образом, европейская реструктуризация, которую привело в движение противостояние экономических групп и империалистических держав, имеет три лица.

Наёмные рабочие непосредственно вовлечены в этот процесс с двух точек зрения. В этих пересекающихся и взаимосвязанных процессах скрывается опасность: быть раздавленными не только социальными последствиями самой реструктуризации, но и идеологиями, которые её сопровождают. Протекционизм и социал-империализм всегда наготове – под маской защиты “непосредственных интересов” от внешнего, дестабилизирующего врага. Именно поэтому профсоюзная борьба за защиту условий труда не может существовать отдельно от интернационалистской политической борьбы.

Знак времени

Рабочие, служащие, техники и даже трудящиеся-мигранты в той или иной степени затронуты этой реконверсией. В автомобильном секторе, напрямую затронутым электрическим переходом, военный аспект проявляется вполне конкретно – из-за технологической близости к производству вооружений. Это, впрочем, не ново: в книге Франко Палумбери “Автомобиль и электрический вызов” целая глава посвящена теме “Автомобиль и война”, где подробно рассматривается, как автопром перестраивался на выпуск военной продукции в первую и вторую мировые войны.

Сегодня мы пока не на том этапе, но интерес оборонной промышленности к автомобильным заводам и их рабочей силе очевиден – особенно в Германии, которая активно наращивает вооружения. *Handelsblatt* от 26 февраля сообщает, что не только нанимают высвободившихся автопромышленных рабочих, но и скупают целые предприятия, переформируя их под военные нужды. Так, компания Rheinmetall, у которой из 180 заводов 24 производят автокомпоненты, переводит их на выпуск вооружений. KNDS переоборудовала бывший завод Alstom, ранее выпускавший поезда, для производства комплектующих к танкам. А завод Volkswagen в Оснабрюке, по слухам, может быть продан оборонной компании.

Это безусловно знак времени – тенденция, подтверждённая растущим

интересом к анализу экономических и социальных последствий военных инвестиций. Исследование консалтинговой компании Ernst & Young (EY) за февраль показывает, что увеличение военных расходов с 2 % до 3 % ВВП обеспечит рост экономики на 0,66 % и создаст 660 тысяч дополнительных рабочих мест в странах НАТО в Европе. Этого вполне достаточно, чтобы подпитать новую волну социал-империалистических кампаний. Именно поэтому нужно подчеркнуть, что рабочие в этом секторе, нынешние и потенциальные, – важная часть нашего класса, и политическое присутствие ленинизма в этой среде будет играть стратегическую роль в интернационалистской борьбе.

Искусственный интеллект и развитие человечества

Цифровая реструктуризация сегодня ставит работников перед новой неопределённостью – вызовом со стороны искусственного интеллекта (ИИ). Хотя процесс всё ещё развивается, уже сейчас опубликованы многочисленные исследования, пусть их оценки и могут быть скорректированы.

Анализ Goldman Sachs за март 2023 года указывал, что под угрозой находится четверть всех рабочих мест как в США, так и в Еврозоне. В мировом масштабе, учитывая неравномерное развитие и в этой сфере, замещению могут подвергнуться 300 миллионов рабочих, то есть 15 % из 2 миллиардов наёмных работников.

Цифры ещё предстоит подтвердить, оговариваются авторы в самом исследовании. Впрочем, неизменно одно: преобразование труда – это закон капиталистического развития. И даже если с помощью ИИ производительность труда вырастет в среднем на 1,5 % в год на протяжении следующего десятилетия, это вовсе не гарантирует улучшения условий жизни для всего человечества, а наоборот – может привести к серьёзным социальным издержкам. Именно эти соображения подталкивают нас к борьбе за лучшее общество.

В Италии, согласно исследованию Censis Confindustria, при росте производительности на 1,8 % под угрозой замещения находятся 6 миллионов рабочих (*Il Sole-24 Ore*, 5 марта). Среди наиболее уязвимых – банковские служащие. По данным Bloomberg, в ближайшие 3–5 лет крупнейшие мировые финансовые группы сократят 200 тысяч сотрудников, 3 % своей рабочей силы (*Il Sole*, 10 января).

Две стороны реструктуризации банков

Банковская реструктуризация – это процесс, который уже давно меняет ландшафт отрасли, в первую очередь через серии сделок по консолидации рынка. В Италии, по оценке профсоюза FABI, пять текущих сделок по поглощению или обмену акциями затрагивают 102 тысячи работников. В 2020–2022 годах три проведённые сделки затронули 130 тысяч сотрудников. И если в 2019 году в стране насчитывалось 22 банковские группы с общим числом сотрудников около 280 тысяч, то сегодня осталось лишь 18 групп с 260 тысячами – на 20 тысяч меньше (*Sole*, 27 февраля).

Однако картина будет неполной, если не учитывать другую сторону проблемы занятости – нехватку персонала с опре-

Обратите внимание. Во времена Covid и пандемии столетия все в телевизоре стали вирусологами, а сегодня все стали экспертами по геополитике. Мы же выросли на марксистских уроках: Ленин и империализм, Маркс и стратегия. Пролетариат, который должен понимать, с кем имеет дело, и становится силой, способной противостоять силам капитала. И мы не держали это знание в узких кругах посвящённых, но и не поддались на политику-шоу в телевизорах – и тем более не скатились до скандальных перебранок в Twitter/X, на YouTube или в TikTok. Мы объясняли всё это с газетой в руках – от дома к дому, от завода к заводу, от офиса к офису, от школы к школе и от факультета к факультету, с тем терпением, которое необходимо, чтобы укоренить интернационалистское меньшинство.

Всё это господствующий европейский дискурс с лёгкостью отвергал как пыльное наследие XX века – до тех пор, пока сам не столкнулся с реальностью: американским президентом, который действует по лекалам грубого империализма конца XIX века; Китаем, спускающим на воду новый авианосец каждые три-четыре года; двумя войнами у европейской границ – на востоке, на Украине, и на юге, в Газе.

И вот на экранах наступает эпоха “безапелляционных” дебатов: стажёры и университетские ассистенты рассуждают о сферах влияния и стратегии сдерживания; серьёзные профессора в духе “вооружаемся и вперёд” озабоченно рассуждают о молодёжи, которая, мол, не хочет воевать – в отличие от украинских и российских призывников. А вокруг вращается весь калейдоскоп образов империалистического европеизма. Кто-то, не раздумывая, надевает синий шлем со звёздами. Кто-то – за европейскую армию, но, пожалуйста, пусть “пушки и масло” не трогают медицину и пенсии. Кто-то – за поставки оружия, но только если оно местного производства: пусть закупают в Италии или в Европе, чтобы ВВП рос. Кто-то, мня себя знатоком истории, вспоминает лозунг 1915 года “ни участия, ни саботажа”, забывая, что социалистический нейтралитет через два года оказался на стороне расстреливавших под Капоретто.

Можно было бы над этим смеяться, если бы не одно “но”: эта дилетантская геополитика активно распространяет отравленные мифы касательно *кризиса порядка*, а вся армия экспертов и политических технократов точно бьёт осла там, где прикалывает хозяин. Хозяин здесь – *европейский империализм*. Вчера он продавал сказки о “мирных либеральных правилах”, а сегодня он уже перешёл Рубикон и занялся перевооружением – и теперь активно вербует себе пропагандистов. Нельзя оставаться в стороне, нужно удвоить усилия по организации коммунистического сознания. Их политика сегодня – идеология смерти.

делёнными навыками. Примеры можно найти и в Германии (*Handelsblatt*, 12 февраля): с 2018 по 2023 год число банковских служащих сократилось на 6,6 %, но в 2024 году в среднем ежемесячно 17,8 тысяч вакансий остаются незанятыми. Многие сотрудники достигли пенсионного возраста, а молодёжи для их замены недостаточно. Тот же искусственный интеллект может лишь «заполнить пробелы, оставленные уходящими на пенсию».

Мигранты – “буфер” для колебаний рынка

В условиях хаоса рынка все рабочие находятся под ударом – и особенно это касается мигрантов. Во-первых, потому что они – неотъемлемая часть класса наёмных рабочих и потому ощущают на себе все его противоречия. На автомобильных предприятиях стран с давними миграционными традициями это известно давно. Это касается и новых заводов: например, на *гигафабрике* Tesla в Грюнхайде (Бранденбург), открытой несколько лет назад, 70 % из 11 тысяч сотрудников – иностранцы (*La Stampa*, 22 февраля).

Но мигранты, обычно занимающие самые уязвимые позиции на рынке труда, также больше всего подвержены его колебаниям: их нанимают, чтобы заполнить кадровые пробелы, но они же пер-

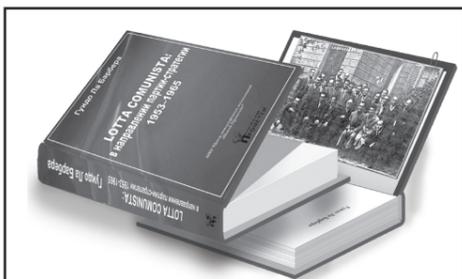
выми теряют работу в трудные времена. Их всегда считали “буфером” занятости. Мы имели возможность наблюдать это и недавно, во время пандемии: в ЕС-27 уровень безработицы среди рабочих из стран вне ЕС, который десятилетиями был вдвое выше, чем у европейцев, в 2020 году вырос почти втрое, а к 2023 году вернулся к прежнему – двукратному – разрыву (*ISMU, “30^a Rapporto sulle migrazioni 2024”*).

Ускорение времени

Современность ясно демонстрирует фундаментальное противоречие общества, в котором мы живём: огромные возможности развития сопровождаются огромными рисками разрушения – в виде потерянных трудовых ресурсов и подготовки чудовищных катастроф. Многие наёмные рабочие сталкиваются с этим противоречием в своей повседневной трудовой жизни.

Именно ускорение времени требует качественного скачка в формировании интернационалистского политического сознания. И эти же времена делают его возможным – достаточно взглянуть вокруг. Задача ленинистской партии – стимулировать это осознание и направлять его в русло классовой организации.

Lotta comunista, март 2025 г.

Guido La Barbera

Lotta Comunista: в направлении партии-стратегии. 1953-1965

324 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник,
9 иллюстраций по тексту.

ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.

Битва за Францию для европейской буржуазии

Мы публикуем серию статей наших французских товарищей из газеты L'Internationaliste.

«Я готовился к этому несколько недель и был вне себя от радости. Я бросил свою гранату им между ног. Теперь посмотрим, как они справятся...».

По сообщению *Le Monde*, это сказал за кадром Эммануэль Макрон, оправдывая роспуск Национального собрания после поражения на европейских выборах (31,4 % за Национальное объединение против 14,6 % за список макроновского "Возрождения").

В то время как Елисейский дворец начинает дебаты о европейском ядерном сдерживании и общих оборонных системах на поле континентальной политики, Макрон делает ставку на то, что внутри страны крайне правые окажутся недостаточно зрелыми. Он пытается выбраться из болота, которое пророчит полную потерю управляемости в будущем, разыгрывая комбинацию с правительством и изменяя баланс между партиями.

Игра началась

На момент написания этой статьи результаты предстоящих выборов неизвестны. Но давайте рассмотрим политические вопросы, стоящие на кону на этих выборах.

Выборы в законодательные органы отличаются от европейских выборов. Это двухтуровое голосование по мажоритарной системе в 577 избирательных округах. Во второй тур могут выйти кандидаты, набравшие 12,5 % голосов зарегистрированных избирателей. Прогнозировать электоральные колебания в этом контексте крайне сложно: уровень явки, отзыв кандидатур, соглашения, которые партии заключают между двумя турами, а также возможное использование механизма "республиканского фронта" могут привести к глубоким изменениям в расстановке сил в следующей Национальной ассамблее. Также может сыграть эффект «тактического голосования»: если на европейских выборах предпочтения избирателей не сильно расходятся с реально поданными голосами, поэтому опросы демонстрируют большую надёжность, то на президентских и законодательных выборах происходят гораздо более существенные отклонения в пользу тех или иных кандидатов и партий.

Битва за центр

По мнению ведущих аналитиков, Макрон пытается провести «принудительную реконфигурацию», пытаясь реанимировать свой центристский блок и перейти от оборонительной к наступательной позиции. Здесь он делает ставку на раскол среди правых или левых, чтобы изменить состав блока или даже расширить его. С другой стороны, левым удалось объединить свои основные силы и заблокировать попытку отдельных организаций достичь предвыборных соглашений с макронистами, в то время как так называемые "традиционные" правые разделены на "совместимых с Макроном", автономистов и сторонников союза с Национальным объединением (НО). Крайне правые сглаживают свою риторику, чтобы

вновь занять центральное место на сцене и победить во втором туре. В общем, ход событий между двумя турами будет решающим.

Другие комментаторы утверждают, что Макрон, напротив, делает ставку на победу НО, чтобы измотать её правительственной деятельностью и окончательно нормализовать ситуацию в преддверии президентских выборов 2027 года, на которых действующий президент уже не сможет баллотироваться. Как мы увидим дальше, конституционные полномочия, которыми обладает правительство, делают рискованным решение подпустить к исполнительной власти организацию, противостоящую проевропейскому консенсусу.

Выборы в законодательные органы имеют решающее значение для финансов французских политических организаций. Действительно, значительная часть государственного финансирования партий рассчитывается в зависимости от результатов, полученных в текущем электоральном раунде, и количества депутатов, избранных в палату от каждой политической силы. Можно считать, что это оказало определённое влияние на формирование нынешнего электорального сговора левых сил вопреки существующим разногласиям. Следует также отметить, что эти выборы, скорее всего, дадут жизнь масштабному плану государственного финансирования крайне правых в ближайшие годы.

Коалиция или сожительство

Независимо от результата, национальный политический ландшафт показывает состояние, далёкое от стабильности. Волатильность ситуации особенно высока по сравнению со средним европейским уровнем, с расколами и перегруппировками партий. Итог парламентских выборов допускает несколько сценариев: сосуществование президента с оппозиционной группой, если НО или объединённые левые получают абсолютное большинство; слишком пёстрый и потому недееспособный парламент; или начало своеобразного коалиционного президентства. Следует отметить, что теперь президент не может распустить Национальное собрание раньше, чем через год.

Последний вариант позволит Макрону обрести постоянное большинство или потенциальное большинство, опирающееся не только на его собственную партию, но и на другие политические семьи. Является ли это надёжной альтернативой, способной обеспечить более широкую массовую базу для европеистской линии?

В случае сосуществования, последуют ли крайне правые примеру правительства Джорджи Мелони и переориентируют ли свою политическую линию в европеистском и атлантическом ключе? А в левом лагере, наиболее евроскептические и антинатовские элементы будут готовы смягчить свою риторику?

Следует отметить, что все правительства при Макроне, продолжая линию на реструктуризацию, обозначенную Франсуа Олландом в 2014 году, сохраняли при этом высокий уровень го-

сударственного дефицита. Текущая избирательная кампания проводится под лозунгами увеличения государственных расходов. В этом контексте интересно, рискует ли следующее большинство, более или менее совместимое с Макроном, столкнуться с повышением процентных ставок и недоверием со стороны ряда европейских стран?

Европейский политический цикл

Текущие политические события – это больше, чем внутренний французский спор. Они касаются направлений политических изменений и возможных колебаний внутри одного из столпов европейской интеграции. Континентальная буржуазия в целом столкнулась с необходимостью ускорить централизацию своих политических полномочий в беспрецедентных рамках электоральных потрясений общества изобилия.

Французский кризис – это испытание для всех политических надстроек и крупных экономических групп на континенте. В какой степени силы европейской демократии смогут преодолеть эти колебания и определить общую стратегическую линию в условиях обострения межимпериалистической борьбы? Политические способности лидеров буржуазной демократии, наилучшей оболочкой капитализма, подвергаются испытанию. В Париже кадрам буржуазии приходится иметь дело с меняющимися франко-германскими отношениями и распределением сил в Европе. Баланс между национальным суверенитетом и европейским вектором будет иметь решающее значение.

Институциональная гибкость

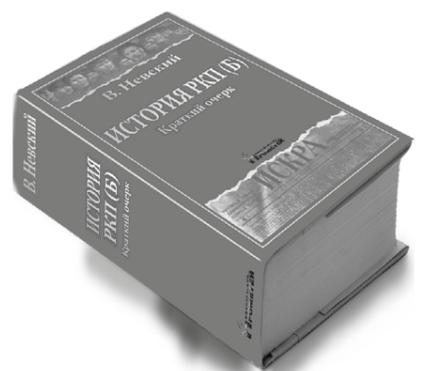
Проверку пройдёт также гибкость Пятой республики. В интервью *Le Monde* Денис Баранге, профессор публичного права, предлагает пищу для размышлений. По его мнению, «у нас нет единого политического режима: у нас есть политический режим переменной геометрии». «Конфигурация, которая чаще всего представляется нормальной, – это сильное президентство, сопровождаемое большинством». Но эта конфигурация не исключает других, «как мы видели на примере второй конфигурации: президентства меньшинства, сложившегося два года назад». Третий вариант – «сожительство». Эта последняя форма «возвращает Пятую республику к довольно классической парламентской системе: президенту остаётся только право вмешательства с определёнными прерогативами, сводящимися к тому, что Монтескье назвал бы "способностью предотвращать"». Гипотеза коалиционного президентства расширила бы палитру возможных комбинаций власти в отношениях между президентом, премьер-министром, правительством и парламентом.

В своей книге "Республика возрождается", историк Серж Берштейн отмечает, что премьер-министр имеет «противоречивый статус», посередине между ролью главы правительства и проводника воли президента. Согласно Конституции, президент назначает премьер-министра, но «прекращает его полномочия только в том случае, если премьер-министр подаёт заявление об отставке правительства». Иными словами, «хотя глава государства имеет право назна-

чить теоретического главу правительства, именно последний должен проявить инициативу и покинуть свой пост. Национальное собрание также может заставить его сделать это, отказав в доверии или вынеся вотум недоверия». По мнению автора, Пятая республика предполагает возможность диархии. До сих пор каждый президент Республики старался избежать этой ситуации. Через несколько недель Макрон, возможно, будет вынужден приспособиться к ней, если не получит абсолютного большинства. Может ли усиление роли парламента и правительства, превращение его в своего рода декомпрессионную камеру для мелкобуржуазных стенаний, дать начало новым моделям формирования французской политики?

Следует также отметить, что если в прошлом практика оставляла за президентом исключительные полномочия в сфере обороны и иностранных дел, то сама по себе Конституция допускает более свободную интерпретацию. Так, если президент, «также возглавляющий вооружённые силы», является «гарантом национальной независимости и целостности национальной территории», то правительство «распоряжается администрацией и вооружёнными силами», а «премьер-министр отвечает за национальную оборону». Только применение ядерного оружия является исключительной прерогативой президента. Не вдаваясь в чисто юридические рассуждения, мы, тем не менее, видим, что политический баланс во Франции может претерпеть изменения.

Lotta comunista, июнь 2024 г.

В. И. НЕВСКИЙ

История РКП(б). Краткий очерк.

Издательство
АНО «ЦМИ «Новый Прометей»»,
2009 804 страницы,
твёрдый переплёт,
автобиография автора,
приложения,
статьи В. И. Невского
«Ленин как материалист
в своих ранних работах»,
«Философия мёртвой реакции»,
карты, схемы и иллюстрации,
примечания, хронология,
библиография,
биографический справочник,
справочник периодических изданий

ISBN: 978-5-9901606-1-3

Цена 450 руб.

Трёхполярная политика во Франции

На последних парламентских выборах, где перед вторым туром коалиция левых и макронисты достигли соглашения, в Национальном собрании Франции упрочилась та же трёхпартийная структура, которая проявилась на выборах 2022 года. Удалось избежать необходимости делить власть с Национальным объединением, но парламент оказался фрагментирован, и ни одна из сил не получила большинства. Политическая игра начинается: возможен как вариант формирования президентской коалиции, так и потеря управления. На момент написания статьи президент ещё не назначил премьер-министра, и уходящее правительство только управляет текущими делами. Тем не менее, нынешнему правительству удалось избежать поражения, и Макрон вернул себе некоторое пространство для манёвра.

Республиканский фронт

По итогам двух туров парламентских выборов левая коалиция Новый народный фронт (ННФ) оказалась впереди, получив 182 депутатских кресла (+31) из 577. Коалиция макронистов «Вместе» финишировала на втором месте со 168 креслами (-82). Национальное объединение (НО) заняло третье место и 143 кресла (+55). Правая партия «Республиканцы» потеряла 16 парламентских мест и сохранила за собой 45.

Умеренные результаты националистической правой стали результатом тактических соглашений между другими партиями с целью не допустить победы кандидатов НО, что сопровождалось также повышенной явкой: в этот она составила 66,6 % против 46,23 % в 2022 году. Похоже, что перед лицом реальной возможности прихода к власти партии Марин Ле Пен значительная часть электората возродила «республиканский фронт» и проголосовала за кандидатов, указанных в качестве «республиканцев», даже если они и не отвечали политическим убеждениям голосовавших.

Электоральный джекпот

В предыдущей статье мы напомнили, что бюджеты политических партий во многом зависят от результатов законодательных выборов. В сущности, государственное финансирование, жизненно необходимое для партий, рассчитывается на основе достигнутого на выборах результата. *Le Figaro* подсчитала, как формируются доходы партий: «В первом туре, если партия получает хотя бы 1 % голосов в 50 округах, каждый голос приносит ей примерно 1,10 евро [...] каждый год». После выборов каждый избранный депутат «разблокирует другую квоту в более чем 37 000 евро в год за каждого избранного депутата вплоть до следующих выборов». Общий объём этой финансовой манны составит «66 миллионов евро в 2024 году».

По словам газеты, НО будет получать около 15 миллионов в год. «Партия Жордана Барделла, которая в 2017 году имела всего двух депутатов, ныне является крупнейшим бенефициаром государственного финансирова-

ния». Партии коалиции «Вместе», которые после выборов 2022 года делили между собой 19,5 миллиона евро в год, нынче получают 14 миллионов. Партии левого картеля и «Республиканцы» сохраняют свои доли – порядка 17 и 4,5 миллиона соответственно.

Натиск НО

Финансовые результаты показывают: несмотря на то, что результат НО оказался ниже, чем амбиции партии, политический рост лепенистов оказался значительным. В определённой степени законодательные выборы консолидировали рост, зафиксированный на последних европейских выборах, на которых крайне правая партия получила 31,37 % голосов. Только благодаря особенностям электоральной системы и соглашениям перед вторым туром удалось ослабить её натиск.

Результаты демонстрируют, что НО находится на подъёме почти везде. Партия сумела вывести своих кандидатов во второй тур почти во всех округах, в то время как макронистам, по недавней оценке *Le Monde*, это удалось только в 321 округе из 577, а левым – в 414. *Le Figaro* напоминает, что в 2022 году партия Ле Пен выиграла первый тур в 110 округах, а в 2024 году – в 297 округах. Лепенисты увеличили влияние почти во всех областях, однако запад страны и крупные города сопротивляются их экспансии.

В статье в *Le Monde* Флоран Гугу, политолог из Гренобльского института политических исследований, пишет, что, хотя НО «вновь столкнулось с электоральной системой и блокадой» со стороны «республиканского фронта», благодаря государственному финансированию оно сможет «продолжить обучение своего политического персонала, имея новых членов-парламентариев», и «по-прежнему не будет отвечать за власть». В будущем оно «сможет воплотить в глазах широких слоёв электората привлекательную альтернативу правительству, которая никогда не отходила от своих обязательств».

Таким образом, НО имеет перед собой твёрдые перспективы. Но, несмотря на свой натиск, оно столкнулось с явной оппозицией большинства электората. Осуществит ли партийное руководство переориентацию на Европу и Атлантический альянс, чтобы достигнуть порога в 50 %?

Расхождения

Что касается левого фланга, является ли соглашение, достигнутое в ходе парламентских выборов, эмбрионом правительственной коалиции, или же это был просто электоральный сговор с целью поделить места в парламенте и государственное финансирование?

Франсуаза Фрессо на страницах *Le Monde* пишет, что левые «вышли победителями», но, «тем не менее, остаются очень слабыми». По её мнению, партии ННФ должны занять чёткую позицию по трём вопросам. «Готовы ли [левые] прийти ко власти? Если да, то с какой линией? И с какими партиями?» Что касается социал-демократов, Фрессо называет Жан-Люка Меланшона «значительной частью проблемы».

Лидер «Непокорённой Франции» не хочет победы и нацеливается только на президентские выборы 2027 года: «Роль пугала, которой он наслаждается, позволяет ему поддерживать высокое напряжение, дестабилизировать действующее правительство, чтобы добиться противостояния с Марин Ле Пен во втором туре президентских выборов». Газета *Le Monde*, поддерживавшая ННФ и республиканский фронт на выборах, видимо, надеется, что значительная часть левых сил займётся парламентской игрой и решит пойти на соглашение с центристским блоком и правоцентристами.

На правом фланге «Республиканцы» сумели удержать свой сокращённый контингент в Национальном собрании, но оказались крайне разделены по итогам кампании. Стоит заметить, что партия, переживающая неудачи на так называемых «национальных» выборах, то есть президентских, парламентских и европейских, остаётся сильной организацией на уровне местных администраций и Сената.

«Республиканцы» разделены по вопросу стратегии относительно НО и макронистов. Должны ли они следовать за «радикальным» электоратом, с риском того, что позиции партии отойдут слишком далеко от интересов французской и континентальной буржуазии, или же играть роль правого центра, поддерживающего европейскую интеграцию? Эта дилемма разрывает партию с 2017 года и привела к расколу между руководством и председателем Эриком Сьотти, который заключил союз с НО.

С точки зрения надстроек господствующего класса, в число которых входят различные СМИ, дилемма лежит также внутри консервативной газеты *Le Figaro*, традиционно близкой к голлистской партии. В последние месяцы газета выступила против депутатов и сенаторов от «Республиканцев», которые отвергли соглашение о свободной торговле СЕТА между Канадой и ЕС, и подтвердила тем самым приверженность либеральной и европейской линии. Однако в разгар выборов её раскол вопрос того, какую позицию занять. Глава редакции Алекси Брезе, похоже, поддерживает соглашение с НО, что спровоцировало мятеж части редакции. Как пишет *Le Monde*, разделена даже семья Дассо, владеющая газетой, несмотря на свои исторические связи с Сопротивлением. С экономической точки зрения, газете приходится сталкиваться с атакой групп, связанных с магнатом Венсаном Боллоре, который ведёт кампанию за единство правых и НО, находящей отклик среди значительной части электората и консервативных читателей газеты.

Европа и французский кризис

В статье «Французский кризис и британские выборы открывают новый сезон в европейском политическом цикле» (Пролетарский Интернационализм. № 119. Июль 2024). мы писали, что «Французский кризис надолго запомнится европейскому циклу, потому что в новом политическом цикле элек-

торальных восстаний президентализм обнаружил присущую ему дисфункциональность в обеспечении стратегического консенсуса». Несмотря на то, что НО вынуждено примириться с федерацией евро, его «совранистская и евроскептическая политическая основа» оказывает влияние на европейский процесс, и можно предвидеть ослабление Парижа относительно Берлина в отношениях силы в Европе.

Можем отметить, что пресса отразила эти страхи крупной французской буржуазии. В редакционной статье, опубликованной за два дня до второго тура, главный редактор *Le Figaro* по международной политике Патрик Сен-Поль противоречил собственному директору: «С точки зрения Европы, худшим сценарием было бы сожительство с Национальным объединением». Однако даже в случае поражения партии Ле Пен, опасается автор, Европа «увидит воплощение французского кошмара». «При наилучшем стечении обстоятельств вторая держава Евросоюза будет двигаться в неуверенности с неуправляемой коалицией противоположностей [...] и ожидаемым взрывом госрасходов». Или же она во главе её встанет правительство технократов, «что будет транслировать на клуб двадцати семи опасную непредсказуемость».

Ален Франшон на страницах *Le Monde* выдвигает свою гипотезу о «сжатии» Франции. НО «особенно не хватает надёжной репутации по трём ключевым обязательствам, которые представляют собой международный профиль Франции: Европа, трансатлантическая связь и принадлежность к большой семье либеральных демократий».

Если нынешняя тенденция к политической фрагментации подтвердится, французская буржуазия, как нам кажется, встанет перед двойным выбором. В позитивном сценарии политические силы сумеют построить коалиции, и НО продолжит приспосабливать свои позиции под европеизм. В таком случае Национальное собрание абсорбирует электоральные колебания и позволит правительству и президенту следовать европейской повестке. В ином сценарии в отсутствие соглашения между партиями и при сохранении за НО роли столпа евроскептицизма, французский кризис приобретёт характер регулярного, что будет контрастировать с европейской и международной проекцией страны.

Посередине между двумя крайними исследовательскими гипотезами возможно бесконечное количество нюансов. Так или иначе, очевидно, что новый период европейского политического цикла станет испытанием для политической способности и гибкости французской и континентальной буржуазии. Институты и динамики европейского политического цикла и их ограничения тем или иным образом продолжают направлять французский империализм. Однако под вопросом оказывается способность Парижа быть ведущей силой этого цикла в Европе.

Поиск коалиционного президентства наощупь

В начале сентября после насыщенных переговоров президент Франции назначил нового премьер-министра. Эмманюэль Макрон выбрал представителя партии «Республиканцы» (LR), а не кандидата от левой электоральной коалиции, которая получила больше всего голосов на выборах, утверждая, что правительство Нового Народного фронта (ННФ) сразу же провалится в парламенте.

Европейский сигнал

Выбор пал на Мишеля Барнье, 73-летнего голлиста. Это назначение открывает перспективу коалиционного правительства между силами Макрона и правыми. Сюрпризом стало то, что с назначением Барнье согласилось «Национальное объединение» (НО). Марин Ле Пен, как сообщается, прямо сообщила Макрону, что её депутаты не будут голосовать против этого правительства.

Была ли это просто политическая тактика в надежде на новый роспуск парламента в 2025 году, или же манёвр выходит за рамки типично французских парламентских интриг? Новый премьер-министр дважды был европейским комиссаром, занимал пост вице-президента Европейской комиссии и возглавлял переговоры ЕС по Брекситу; «конструктивное воздержание» со стороны сторонников Ле Пен может быть сигналом изменения их позиции в сторону европеизма.

Какая коалиция?

На момент написания статьи Барнье ещё не сформировал правительство и продолжает встречи с представителями всех политических течений. Сможет ли он расширить свою базу, включив в неё представителей от левых, сейчас или в среднесрочной перспективе? В противном случае, возглавляя правительство меньшинства, ему придётся зависеть от того, проголосуют ли НО или левая оппозиция за вотум недоверия. Напомним, что для смещения правительства необходимо абсолютное большинство; отсутствующие и воздержавшиеся, по сути, голосуют за сохранение действующей исполнительной власти.

В последние недели аналитика сосредоточилась на французской политической арене, оставив в тени другие переговоры о формировании коалиции – назначение комиссаров Европейской комиссии. Пока на национальном уровне власти Европы переживают электоральные лихорадки нового политического цикла, сможет ли европейская империалистическая демократия на континентальном уровне усилить свою позицию перед лицом глав государств и правительств? Укрепит ли роль Комиссии, находящейся в стороне от медийных и электоральных колебаний? Только реальный политический процесс даст ответы и покажет, способен ли европейский империализм ускорить шаг в условиях ставшей более агрессивной империалистической конкуренции.

Национальные особенности

В статье «Дилеммы стратегического отступления для американского пре-

зидента» (Пролетарский Интернационализм. № 20. Апрель 2016) мы писали, что с точки зрения метода, «в нашем материалистическом понимании империалистической конфронтации на мировых рынках сталкиваются несколько сотен гигантских концентраций финансового капитала и многие тысячи крупных групп». В этой борьбе «концентрации капитала хватаются за политическую власть, государства, систему государств, международные организации и влияют на них». Однако борьба между державами «не является простой калькой экономической борьбы».

Более того, «чем больше аналитическая линза приближается к отдельному сражению или линии конкретного политического руководства, тем больше следует уделять внимание истории, течениям и политической культуре соперничающих держав, вплоть до материалистического анализа роли личности и действующих политических лидеров». С этой точки зрения, в общем контексте нового европейского цикла Франция имеет свои культурные и политические особенности, которые необходимо исследовать.

Призрак гражданской войны

В связи с недавними беспорядками в Новой Каледонии, эссеист Никола Баверез написал в *Le Figaro*, что «призрак гражданской войны преследует историю Франции»: «Наша страна избрала современное государство, чтобы выйти из религиозных войн, абсолютную монархию, чтобы преодолеть «фронду», наполеоновскую Империю, чтобы положить конец насилию времён Революции, Третью Республику, чтобы забыть о Коммуне, и Пятую Республику, чтобы изгнать режим Виши и справиться с трагедией Алжира». Автор продолжает, обращаясь к недавним проблемам: Франция «остаётся единственной развитой страной, которая последовательно пережила восстание «жёлтых жилетов», массовые протесты против пенсионной реформы, городские волнения, которые опустошили 500 городов и оставили разрушения на сумму более одного миллиарда евро, восстание фермеров и, наконец, хаос в заморских территориях».

Бавереза часто относят к комментаторам-«пессимистам», то есть тем, кто драматизирует ситуацию, чтобы подтолкнуть империалистическую Францию к реформам. Однако нас интересует не масштаб беспорядков или забастовок, а закономерность общественного выражения французской политической традиции. Театрализация политического «конфликта» и представление о своей стране как о неспособной к компромиссам являются лейтмотивами французского морального фактора и видения политической жизни.

На самом деле, необходимо конкретизировать эти суждения: социальная и политическая стабильность остаётся определяющим фактором общественной жизни, а медийная истерия регулярно преувеличивает явления, которые часто затрагивают лишь небольшие меньшинства. При этом на кону стоит не столько призрак граж-

данской войны, сколько способность французской буржуазии сохранить свой европеизм и удерживать сильное лидерство в определении властей европейского империализма.

Президентство в ловушке

В более конкретном анализе французской политики, опубликованном на сайте Telos, Жиль Андреани, профессор Sciences Po, рассматривает причины и последствия роспуска Макроном Национального собрания в июне. Андреани пытается выявить корни «разболтанности» французских политических надстроек, а именно «гиперболизацию роли президента во власти и соответствующее яростное народное осуждение – двойное безумие, несовместимое с макроновским проектом правительства разума, основанного на объединении центров».

По мнению Андреани, «помрачение рассудка», приведшее к роспуску парламента, может быть связано с «тремья особенностями нашей политической системы, которые за семь лет его президентства были доведены до крайности: раздутая роль президента, упадок партий и неадекватность системы голосования». Таким образом, «прямое осуществление функции правительства Елисейским дворцом было усилено общей нестабильностью и уходом министров на задний план, за исключением редких случаев, а также организационной слабостью партии президента».

Мы можем констатировать, что должность французского президента, которую авторы Конституции 1958 года стремились освободить от «политиканства», оказывается полностью вовлечённой в партийные игры и частично становится заложником требований телевизионной демократии и интернета. Президент оказывается не над схваткой, сосредоточившись на национальном и европейском усилении, а на передовой парламентских игр. Роль президента республики как «главы большинства» была даже усилена переходом к пятилетнему мандату и изменением избирательного календаря: законодательные выборы теперь проводятся после президентских. Кроме того, одно из весомых обвинений, выдвинутых против деятельности Макрона на посту президента перед назначением нового премьер-министра, заключалось в том, что он лично участвовал в переговорах с партиями, вместо того чтобы позволить парламентским силам попытаться найти большинство.

Сравнение институтов

В этом контексте политической фрагментации вновь возникает сравнение с Четвёртой Республикой. Часто это сравнение носит негативный характер, акцентируя потенциальную неуправляемость нынешней политической сцены. Однако Дженни Рафлик, историк Университета Нанта и эксперт по этому периоду, в интервью *Le Monde* подчёркивает интересный аспект. Она акцентирует внимание на способности к компромиссу, часто недооценённой в политической истории Франции. По её мнению, не-

удачу прошлого режима следует воспринимать менее категорично: «При Четвёртой Республике частая смена правительств не нарушала прочную политическую стабильность». Это не означает, что не было «хрупкости большинства» – 22 правительства между 1947 и 1958 годами, средняя продолжительность которых составила всего 7 месяцев, – «тем не менее, вальс правительств не помешал принятию важных политических решений: были осуществлены глубокие экономические и социальные изменения, некоторые из которых получили продолжение и при следующем режиме». Например, в экономике именно при Четвёртой Республике «Генеральный комиссариат плана определил ключевые направления, которые должны были значительно обновить экономику и преобразовать страну в долгосрочной перспективе». «На международной арене Четвёртая Республика связала Францию с Атлантическим блоком, положив начало строительству Европы и программе ядерной обороны». «Важную роль в этом процессе сыграла и стабильность высшей гражданской службы».

Мы можем подчеркнуть, что те времена, конечно, были другими. Франция переживала стратегический кризис – поражение во второй мировой войне и колониальный кризис, – но и социал-демократизация была в своей восходящей фазе. Удастся ли французскому и европейскому империализму реализовать структурирующие проекты, несмотря на нестабильную политическую ситуацию? Если перспективы увеличения доходов и социального перераспределения становятся все более слабыми, европейские надстройки, тем не менее, выглядят гораздо более консолидированными по сравнению с концом войны и могли бы выполнять более активную роль.

Lotta comunista, сентябрь 2024 г.

Реакционный терроризм, империалистический европеизм, коммунистический интернационализм

272 стр., твердый переплёт, примечания, биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-7-6

Цена 300 руб.

Бюджет европейской ответственности

Парламентские дебаты по проекту финансового закона 2025 года проходят под давлением европейских обязательств.

Чрезмерный дефицит

В июле Европейская комиссия запустила процедуру контроля за избыточным бюджетным дефицитом в отношении Франции, что уже испытали на себе Италия, Бельгия, Венгрия, Польша, Словакия и Мальта. Это первое применение данной процедуры после конца пандемического кризиса. Теперь французское правительство обязано представить план сокращения государственного дефицита.

По прогнозам, в 2024 году дефицит должен составить 6,2 %. Премьер-министр Мишель Барнье обязался снизить его до 5 % в следующем году и намерен вернуться к уровню ниже 3 % самое позднее к 2029 году. По мнению *Le Monde*, речь идёт о восстановлении «бюджетной благонадёжности в глазах наших европейских партнеров и кредиторов». Для этого правительство представило не самый детальный план, предусматривающий содействие всех политических сил в парламенте для конкретных повышений налогов и сокращения государственных расходов.

Провал макроэкономики

Вечерняя газета задаётся вопросом: «Как Франция за год перешла от первоначально прогнозируемых на 2024 год 4,4 % дефицита государственного бюджета к 6,1 %, которые нас ждут в итоге? Отклонение в 50 миллиардов евро – такое случилось разве что во времена экономических кризисов». Газета подозревает, что Эмманюэль Макрон был осведомлён о плачевном состоянии государственных финансов, когда объявил о роспуске парламента. Если в тот момент недоверия был бы объявлен, «пусть этим занимается другое правительство».

Бюджетная ситуация вызвала более широкие дебаты об экономической политике нынешнего президента, которую мы назвали европейской реструктуризацией в счёт долга. *Le Figaro* утверждает, что провал государственных финансов не должен ставить под сомнение стратегию правительства в поддержку бизнеса, обычно называемую «политикой предложения». Она позволила значительно увеличить инвестиции и привлечь иностранный капитал. Тем временем *Les Echos* говорит о «впечатляющем провале «макроэкономики». Ещё в 2017 году президент не считал дефицит «главной проблемой французской экономики», приоритетом было «стимулировать рост, который слишком долго был анемичным, за счёт крупных структурных реформ». Это должно было в конечном итоге оздоровить государственные финансы. По мнению экономической газеты, этот план давал свои плоды в первые пять лет, но «его истинная трещина» открылась на втором сроке. Елисейский дворец обманулся: «Рост укрепился, безработица снизилась, но не в той степени, как ожидалось». Налоговые поступления оказались особенно низкими в 2023 и 2024 годах. Ставка была «вдвойне проигрышной»: «Эмманюэль Макрон дважды проиграл на выборах в июне и июле, а финансы продолжали идти ко дну».

Le Monde выносит суровый приговор. Обозреватель Франсуаза Фрессо

пишет, что бюджет 2025 года «хоронит макронизм как альтернативу экономическим политикам, проводимым правыми и левыми». И ещё: «Балуя компании и инвесторов, отказываясь повышать налоги на богатых, Макрон надеялся сделать страну более привлекательной, положить конец массовой безработице и поставить Францию в авангард европейского строительства. Реальность же такова, что страна сейчас находится под строгим наблюдением рейтинговых агентств и вынуждена договариваться с Брюсселем об отсрочке возвращения своего дефицита в рамки европейских критериев. Любому её представителю было бы сейчас сложно навязывать линию в международных делах».

Итальянизация

В статье, опубликованной в *Les Echos*, бывший европейский комиссар Тьерри Бретон напоминает, что в 1974 году государственный долг Франции составлял всего 14,5 % – против 112 % сегодня. По его мнению, «прибежание к долгу – то есть к будущим поколениям – для неустойчивого финансирования нашей социальной модели, последствий непредвиденных шоков и иногда даже экономического и политического авантюризма стало за последние пятьдесят лет особенно характерно Франции».

Париж страдает от «зависимости от долга». Призрак «итальянского» отклонения оживляет политические дебаты. Вопрос о «спреде» – разнице между национальными и немецкими процентными ставками – за которым во Франции не очень следят, может стать регулярным элементом политической жизни страны.

Правительство меньшинства

Новое правительство, сформированное и представленное публично в конце сентября, уполномоченное утвердить бюджет 2025 года, находится в меньшинстве в Национальном собрании. Хотя это и не «сожительство», президенту и премьер-министру не удалось расширить коалицию и включить в неё левых. Правительство в основном состоит из представителей партии Макрона и правых. Коалиция Нового народного фронта (ННФ) выступила с вотумом недоверия, который Национальное объединение (НО) не поддержало.

Именно последнее подпитывает надежды на прохождение голосования по бюджету. Если НО не проголосует против, Барнье бы смог выйти из тупика. Если бы это произошло, бюджет, принятый под знаком «европейской ответственности», наложил бы обязательства и на НО, которое таким образом доказало бы свою совместимость с европейской повесткой. Частичная переориентация партии Марин Ле Пен изменила бы координаты французского парламентского кризиса. Тем не менее, Франции всё равно пришлось бы столкнуться с эндемическим дисбалансом своих государственных финансов по отношению к европейским правилам. Это фактически ограничивает ее амбиции оставаться политической столицей Европы.

Восемь правых

В обстоятельствах политических мутаций в Европе и в связи с возвра-

щением правых к власти во Франции нам кажется необходимым немного углубиться в политическую историю этого течения.

Для этого мы используем некоторые элементы анализа, разработанного историком Жилем Ришаром, который в 2017 году опубликовал «Историю правых во Франции». Автор критикует классическое деление правых на три течения, предложенное Рене Ремоном: легитимисты, орлеанисты и бонапартисты – версию, которая была затем обновлена добавлением четвёртой компоненты, чтобы включить течение Ле Пен. Ришар перечисляет около пятнадцати французских политических семей, возникших после Революции, восемь из которых классифицируются как правые: легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, республиканцы-либералы, националисты, христианские демократы, аграрии и голлисты. «Большинство этих семей сейчас в упадке, и некоторые даже на грани окончательного вымирания». Однако больше, чем когда-либо, стоит учитывать вес двух течений: либералов и националистов. «В течение последних трёх десятилетий Франция вступила в новую фазу своей политической истории [...] из-за серии больших потрясений (“третья промышленная революция”, массовая безработица, интеграция-растворение нации в Европейском союзе, конец холодной войны)». Ранее политическая жизнь правых характеризовалась конкуренцией между голлистами и либералами. Эти два мира были «неотделимы друг от друга», электоральные сдвиги «были частыми и иногда массовыми», а коалиционные правительства – регулярностью.

Автор выделяет окончательную победу либерального течения с избранием Валери Жискар д’Эстена на пост президента в 1974 году, отмеченном кризисом реструктуризации и первыми сигналами либеристского цикла. Что касается голлистской партии (ОПР), «неолиберальный поворот, начатый в 1980 году в экономической сфере, подтвердился» со временем. «Присоединяясь к неолиберализму и европейской интеграции, лидеры ОПР решили охотиться на том же идеологическом поле, что и СФД», партия Жискар д’Эстена. В 2002 году мощная неолиберальная партия возникла из слияния двух исторических течений правых в послевоенный период – Союз за народное движение (СНД). Этой конвергенции к либеральному и европейскому горизонту соответствовало возрождение националистического течения вокруг Национального фронта. «Национальный вопрос постепенно вышел на первый план как новая центральная ставка, водораздел в системе партий». НФ в какой-то степени взял на себя «роль трибуна», которую ФКП играла в годы цикла государственного капитализма.

Кроме эволюции разделений между течениями правых, мы также можем найти элементы трений между неолибералами и националистами. Выбор между альянсом с НФ или заимствованием его политической программы всегда мучил так называемую «правительственную» правую. По мнению Ришара, даже если Жак Ширак вошёл в историю как основатель «санитарного кордона» против НФ справа, реальность сложнее. Ещё в 1986 году, будучи пре-

мьер-министром, он решил применить часть программы НФ. Его министр внутренних дел Шарль Паскуа сформулировал лозунг «нет врагов справа». Даже либералы из СФД действовали на электоральном поле националистов. Кроме того, мы отмечаем, что эта политическая семья переработала многих ультраправых активистов антиголлистских традиций и ностальгирующих по Французскому Алжиру.

Мобильность

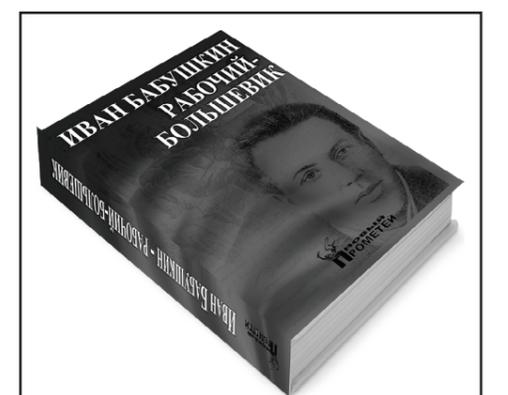
Альянсы между неолиберальным и националистическим течениями никогда не реализовывались полностью, но всегда была определённая гибкость по некоторым вопросам, особенно по безопасности и иммиграции. Национальный вопрос всегда разделял правительственную правую, как это было видно в кампании вокруг референдума 1992 года по Маастрихтскому договору.

В 2000-х годах Николя Саркози «был на одной волне с Аленом Жюппе, сторонником санитарного кордона между СНД и НФ, но в то же время, как Шарль Паскуа, отказывался исключать избирателей Национального фронта». Эта политическая тактика шла рука об руку с выраженным европейским и западным активизмом. В 2009 году Саркози вернул Францию в интегрированное командование НАТО.

Даже националистическое течение раскололось. Брюно Мегре, номер два НФ в 1990-х годах, вызвал раскол, пытаясь сделать НФ «правящей партией», уведя с собой большинство руководящих кадров. Но этот шаг провалился перед упорством Жан-Мари Ле Пена и других правых партий.

Этот краткий обзор служит для нас предупреждением, что не стоит недооценивать возможные мутации политических позиций партий, даже если гипотетическое объединение либеральных и националистических правых и будет чем-то новым.

Lotta comunista, октябрь 2024 г.

ИВАН БАБУШКИН РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК

2010, 204 страницы,
мягкий переплёт.
6 карт и 11 иллюстраций
по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.